

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 1

Редакторъ-Издатель
Профессоръ
И. А. Ильинъ.

---

1 9 2 7

Русскій Колоколь

— есть журналъ національной и патриотической волевой идеи. Его цѣль — служеніе самобытной и великой Россіи. Его задача — глубокое и всестороннее обновленіе духа въ русскомъ образованномъ слоѣ, укрѣпленіе русскаго самосознанія и отборъ качественныхъ силъ. Мы исповѣдуемъ родину, какъ священное начало. Мы осуждаемъ революцію; мы отрицаемъ соціализмъ и коммунизмъ; но мы не ищемъ возстановленія дореволюціонныхъ порядковъ. Мы вѣримъ въ величіе н о в о й, г р я д у щ е й Россіи; ею занята наша мысль; ей отдана наша воля. Мы крѣпко вѣримъ въ государственную одаренность русскаго народа и знаемъ, что Россія возстанетъ на путяхъ религіознаго очищенія и самобытнаго творчества. Мы не связаны ни съ какими партіями и организаціями. Но мы ищемъ и зовемъ единомышленниковъ по всему свѣту. Мы ждемъ идейнаго и волевого отклика отъ всякой живой души, умѣющей ставить Россію выше всего.

Да поможетъ намъ Господь!

РЕДАКЦІЯ.

Русскій Колоколъ.

Журналъ волевой идеи.

№ 1

Редакторъ-Издатель

Профессоръ

И. А. Ильинъ.

---

1 9 2 7

„РУССКІЙ КОЛОКОЛЬ“.

Послѣ долгихъ униженій и страданій пробуждается духомъ національная Россія. Съ нею наши помыслы. Ей отдана наша воля; ей посвящено наше служеніе. Ей навстрѣчу звучитъ нашъ Колоколь.

Проходятъ годы великаго смятенія и крушенія, годы, полные грозныхъ, пророческихъ событій. Мы видѣли эти событія и уразумѣли ихъ; они были явлены намъ, но не только намъ однимъ: неисповѣдимымъ промысломъ Божиимъ Россія первая вступила на путь изживанія мірового соблазна. Десять лѣтъ длится это хожденіе по мукамъ. И вотъ, гдѣ-то впереди забрежжилъ конецъ его.

Сколько разъ за эти годы содрогалось наше сердце до самой глубины!.. Сколько разъ изнемогаль умъ, силясь охватить законы совершающагося!..

Но воля, папргаяясь, закалялась въ суровыхъ рѣшеніяхъ и страшныхъ клятвахъ... Но, не колеблясь, вѣдала наша вѣра, что жива попрежнему святая Русь; что не развѣяна ея духовная сила, укрѣпленная и взропценная русскимъ Православіемъ; что, какъ встарь, отъ татарской погани, ушелъ нашъ священный Кремль на дно таинственнаго озера и дивно всплыветъ въ предназначенный часъ; что въ зримомъ умираніи незримо возрождается наша Россія, да славится въ ней Воскресеніе Христово!

Пробьетъ этотъ желанный часъ и начнется исцѣленіе. Россіи понадобятся всѣ ея вѣрные сыны, гдѣ бы они ни были и подъ какимъ бы бременемъ они ни изнывали. Всѣ, кто огнемъ своей любви скажутъ «я — русскій!..» Всѣ мь бу-

деть мѣсто и дѣло въ ея обновленной жизни; она всѣхъ спаяетъ новымъ примиреніемъ и новымъ братствомъ.

Къ этому великому часу мы должны неумолимо готовиться. Всѣ мы, кто любимъ Россію, гдѣ бы мы ни были и подъ какимъ бы бременемъ мы ни изнывали. И нынѣ же мы должны сказать себѣ и другъ другу, въ чемъ нуждается наша родина? чего она потребуетъ отъ насъ? въ чемъ мы видимъ ея спасеніе? и что мы должны дѣлать въ будущемъ для того, чтобы никогда болѣе не повторились эти годы смятенія и крушенія?

И вотъ, первое, въ чемъ нуждается Россія, есть религіозная и патриотическая, національная и государственная идея.

Мы должны увидѣть идеальную Россію, нашу родину въ ея возможномъ и грядущемъ совершенствѣ; увидѣть — священною мечтою нашего сердца и огнемъ нашей живой воли. И увидѣвъ ее такъ, и увидѣвъ ее такою, создать тѣ силы, которыя осуществятъ ее, — Россію природныхъ и національных дарованій; Россію великихъ залоговъ и завѣтовъ; Россію святителей, гениевъ и поэтовъ; Россію передъ лицомъ Божіимъ...

Каждому русскому, кто бы онъ ни былъ, необходима эта священная идея его родины, какъ руководящая цѣль, какъ живой источникъ его земного міровоззрѣнія, какъ движущій мотивъ, какъ критерій для проверки всѣхъ его поступковъ; и болѣе того: какъ предметъ, о которомъ онъ молится всегда и прежде всего, и за который онъ способенъ умереть.

Эта священная идея Россіи указываетъ намъ цѣль всей нашей борьбы и всего нашего служенія; и не только на ближайшіе сроки, а на цѣлые вѣка впередъ. Она охватываетъ всѣ силы Россіи и все ея достоиніе: отъ вѣры до быта, отъ пѣсни до труда, отъ духа до природы, отъ языка до территории, отъ подвига до учрежденій. Въ этой идеѣ мы видимъ все Русское сбереженнымъ и взлелѣяннымъ, обогащеннымъ и расцвѣтшимъ; и тысячами голосовъ самобытно хвалящимъ Творца.

Стоитъ ли намъ жить безъ этой идеи? И не изъ нея ли всегда рождались тѣ усилія и взлеты, та преданность и героизмъ, тѣ мечты и тѣ прозы, которыя создали Россію въ исторіи?

Безъ этой идеи все скудно и половинчато; все безцѣльно; все безъ руля и безъ вѣтриль: — и культура, и искусство; и хозяйство, и политика; и война, и миръ. Вредна безъидейная программа; негѣша безъидейная борьба, — негѣша и обречена. Ибо только священная идея даетъ силы для борьбы; только она даетъ настоящую побѣду.

Эта идея зоветъ къ созданію великой Россіи. Духовно великой; и вслѣдствіе этого — великой и государственно; великой и оправданной передъ лицомъ Божиимъ; а потому великой въ людяхъ и для людей. Ибо земное и человѣческое величіе — или освящено и благодатно; или есть тлѣнь и прахъ.

Россія должна обрѣсти глубокія и животворящія, но развѣяныя и утраченныя основы своей вѣры и освятить ими свое земное бытіе. Она должна раскрыть міропріемлющія силы православнаго христіанства, освящающія и природу, и трудъ, и искусство, и науку, и государственность; — и освятить ими себя.

Это есть идея великодержавной Россіи, воздвигнутой на основахъ подлинно христіанской, волею и благородной государственности. Это есть идея: Богу служащей и потому священной родины.

Въ этой идеѣ, христіанской и милосердной, и, въ то же время, государственной и грозной, — высказана наша цѣль, наше будущее, наше величіе. Она отвергаетъ раба и хама; и утверждаетъ брата и рыцаря. Она учитъ чтить божественное въ человѣкѣ; и потому требуетъ для него духовнаго воспитанія. Она даетъ человѣку свободу для духа, для любви и для творчества; но не даетъ ему свободы для лжи, для ненависти и для злодѣйства. Она учитъ принимать право, законъ и дисциплину доброю волею; и требуетъ, чтобы мы заслуживали себѣ свободу духовнымъ самообладаніемъ. Она зоветъ къ братству; но выражаетъ братство не въ равенствѣ, а въ справедливости и въ справедливомъ рангѣ. Она зоветъ къ творческому труду, ограждая собственность; но самую собственность освѣщаетъ, какъ отвѣтственную обязанность и какъ призывъ къ щедрости. Она утверждаетъ бракъ, какъ таинство; и семью, какъ школу любви, вѣрности и повиновенія. Она учитъ строить государство не на выгодѣ и про-

изволеніи, а на долгѣ и вѣрности; не на интригѣ и подозрѣннн, а на уваженіи и довѣрїи; не на честолюбїи и заговорѣ, а на дисциплинѣ и преданности вождю за совѣсть. И потому она зоветъ насъ воспитывать въ себѣ монархическіе устои правосознанія.

Эта идея есть древняя и исконная русская идея. Она предносилась нашимъ подвижникамъ и лѣтописцамъ; нашимъ государямъ и полководцамъ; и простымъ людямъ, и образованнымъ; и разумнымъ, и юродивымъ. Она національна по происхожденію. Но она национальна и по цѣли. Ибо она утверждаетъ, что русскій народъ уже доказалъ и утвердилъ свое право на существованіе, создавъ великую, духовную и державную культуру; и что потому онъ правъ передъ лицомъ Божиимъ, отстаивая свое бытіе и свои права. «Россія» есть имя великой національной культуры и великой государственной организаціи; это есть имя того духовнаго лона, созданнаго русскимъ народомъ, въ которое сто сорокъ различныхъ племенъ сдѣлали свой бытовъ, а иногда и духовный вкладъ, и въ которомъ они нашли свою родину. Созданіямъ этого творческаго лона нынѣ изумляются другіе народы; а впереди его ждетъ грядущій творческій расцвѣтъ и величіе. И потому Россія должна не служить другимъ народамъ, жертвуя собою, сокрушаясь отъ непосильныхъ напряженій и поучая ихъ своимъ крушеніемъ, но беречь свои силы и воспитывать своихъ сыновъ къ духовнымъ достиженіямъ и подвигамъ.

Расцвѣтъ русскаго духа и русскаго творчества есть цѣль, вѣрная и цѣнная сама по себѣ. Всякій, борющійся за нее, правъ передъ лицомъ Божиимъ и передъ всѣмъ человечествомъ; и недалекъ тотъ часъ, когда другіе народы научатся чтить насъ и перестанутъ дѣлать изъ насъ простое орудіе для своихъ цѣлей. Но для этого мы сами должны познать и признать свою міровую цѣнность; мы должны научиться чтить въ себѣ свое національное достоинство, не переоцѣнивая другихъ народовъ и не подражая имъ; мы должны спокойно и увѣренно внять инстинкту нашего національнаго самосохраненія.

Такова наша религіозная и патріотическая, національная и государственная идея. Она есть то первое, въ чемъ нуждается Россія. — —

Второе, что необходимо ей — есть воля и характеръ.

Не выдумывать, не мечтать, не вздыхать призывы современныхъ поколѣній русскаго народа въ цѣломъ и русской интеллигенціи въ особенности; — но видѣть и разумѣть; разумѣть и рѣшать; рѣшать и осуществлять. Россія требуетъ отъ всѣхъ насъ воли и дѣла. Не легкомысленныхъ толчковъ; не короткихъ порывовъ; не безотвѣтственныхъ эксцессовъ. Но — глубокихъ, выдержанныхъ и властныхъ рѣшеній, изливающихся въ систему организаци и въ систему организованныхъ дѣйствій.

Это пужно не на «завтра» и не на «послѣзавтра»; это нужно на нѣсколько поколѣній. Россіи пужны люди, умѣющіе любить и притомъ любить самоотверженно; умѣющіе желать и притомъ изъ глубокой и сильной воли; умѣющіе поступать и брать на себя отвѣтственность за свой поступокъ. Россіи необходимы не растерянные и напуганные обыватели, но люди съ гражданскимъ мужествомъ; не слабые, а сильные; не гнущеся, а ведущіе; — люди съ крѣпкимъ національнымъ характеромъ; русскіе алмазны. Они необходимы ей не только для того, чтобы совершить ея освобожденіе и возстановить ея; но еще для того, чтобы воспитать въ ней новыя поколѣнія съ гражданскимъ мужествомъ и съ характеромъ.

Воспитаніе характера — вотъ великое національное заданіе Россіи; вотъ ея волевая идея на вѣка. Русскому человѣку необходимъ характеръ, религіозно укорененный, патристически накаленный, способный къ дѣяніямъ долгаго замысла и медленнаго, выдержаннаго исполненія.

Отъ расовыхъ кровей и отъ внѣшней природы русскій человѣкъ получилъ много даровъ; но это свойство онъ долженъ выстрадать и пріобрѣсти самъ. Русская душа дышитъ легкостью и внутренней свободой; — и нуждается въ волевой дисциплинѣ. Она богата талантомъ; — и нуждается въ трудолюбіи. Она глубока и темпераментна; — и нуждается въ волевомъ и разумномъ трезвеніи. Она добра и гостепріимна; — но не проработала чувствомъ долга. Она религіозна по природѣ; — но нуждается въ зоркомъ очищеніи и въ выдержанной борьбѣ съ соблазнами. Она мечтательна. созерцательна и

въ чувствахъ своихъ неуравновѣшена; — но именно поэтому она нуждается въ самообладаніи и въ силѣ характера.

Эта сила не дана русскому человѣку, а задана ему; и вся наша исторія, начавшаяся съ разочарованій татарскаго ига. исполненная непрерывныхъ военныхъ напряженій и гражданскихъ жертвъ, не облегчала намъ это самовоспитаніе, а затрудняла его: сильные гибли въ героической борьбѣ, а слабые привыкали къ пассивному терпѣнію.

Россия нуждается въ сильныхъ людяхъ. Чтобы вести другихъ, надо самому умѣть стоять и умѣть идти. Слабые ничего не возглавлять, никого не поведуть и никого не воспитають. Воспитывать могутъ только сильные: только мужественный можетъ взростить мужественныхъ; только трудолюбивый можетъ приучить къ трудолюбію; только добросовѣстный можетъ воспитать добросовѣстныхъ. Только честный и грозный страшень злодѣямъ. Въ русской исторіи перевернута страница безотвѣтственной мечтательности и пассивной критики. Суровое и трудное время требуетъ твердой воли и трезвой, желѣзной работоспособности. Пусть это будетъ меньшинство: всякую страну всегда ведетъ меньшинство, но это меньшинство должно быть качественно на высотѣ — оно должно быть религіозно идейнымъ, организационно умѣлымъ и технически знающимъ. И тогда въ отвѣтъ на качественный зовъ — народъ начнетъ выдѣлять изъ себя качественныхъ людей и развернетъ свои лучшія и благороднѣйшія свойства.

Это второе, въ чемъ нуждается Россия.

И третье, что ей необходимо — это свободный и спокойный патристическій реализмъ для мирнаго и творческаго выхода изъ революціи.

Мы знаемъ и понимаемъ, что революція была духовною болѣзнью, великимъ всенароднымъ несчастьемъ, отъ котораго всѣ русскіе люди безконечно много потеряли: одни потеряли все и даже возможность жить у себя на родинѣ; другіе потеряли очень много, гораздо больше, чѣмъ они приобрѣли, и чѣмъ они, можетъ быть, нынѣ сознають это; — ибо тотъ, кто въ революціи приобрѣталъ для себя, тотъ терялъ вмѣстѣ со всею страню безконечно больше приобрѣтеннаго.

Нынѣ мы всѣ ищемъ духовнаго и политическаго выздоровленія отъ этой болѣзни. Мы знаемъ и понимаемъ, что впредь въ Россіи многое будетъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ было раньше; и никто изъ насъ не желаетъ возстановить все по старому. Мы видимъ впереди новую Россію, лучшую, въ исторіи еще небывалую. Правда, она сначала будетъ несравненно болѣе бѣдна и слаба, и несравненно менѣе образована, но мы принимаемъ всѣ эти тяжелыя послѣдствія революціонной бѣды и готовы нести ихъ бремя жизнью и волею. Ни къ кому изъ русскихъ людей, любящихъ Россію, какъ свою родину, мы не питаемъ ни злобы, ни мстительныхъ чувствъ, напротивъ, выше всего ставя благо Россіи, мы желаемъ одного, чтобы она была избавлена отъ новаго, повальнаго, имущественнаго передѣла и, слѣдовательно, отъ новой гражданской войны...

Реальное благо Россіи — стоять для насъ выше всего; ему должны быть подчинены всѣ частныя, групповыя и классовыя интересы. Трезво и честно, отвѣтственно и по совѣсти опредѣлить самъ русский народъ въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, что нужно для его умиротворенія и творческаго труда; и да будетъ все согласно этому опредѣленію! Мы свободны отъ всякихъ дореволюціонныхъ, классовыхъ и сословныхъ предразсудковъ; мы ищемъ для Россіи — величія, а для себя только одного: счастья идейно и честно служить ей до гроба!

Совѣтская власть обречена; и она падетъ. Она должна быть свергнута; и будетъ свергнута. И кто бы изъ русскихъ патриотовъ, свергнувшихъ ее, ни взялъ въ свои руки власть, — пусть только онъ реально ведетъ и блюдетъ благо Россіи, — мы готовы помогать ему трезво и честно, идейно и отвѣтственно. Да свершится русское національное дѣло! А мы ищемъ для себя одного: счастья вѣрно служить величю Россіи...

Вотъ въ чемъ нуждается наша родина. Вотъ чего она требуетъ отъ насъ. Вотъ въ чемъ мы видимъ ея спасеніе.

Россіи нуженъ идейный волевой и творческій кадръ: рыцарственный кадръ. И она уже готовитъ его для себя въ лишеніяхъ и испытаніяхъ. Онъ мученически томится внутри страны; онъ героически ведетъ борьбу въ лѣсахъ и въ тюрьмахъ; онъ изнываетъ въ непосильной работѣ по всему

міру. Пусть же онъ знаетъ и твердо вѣрить, что въ немъ, въ его духовной силѣ и зрѣлости — залогъ нашего національнаго спасенія!..

И Россія скоро позоветъ его. Ибо близятся историческіе сроки; и народъ нашъ, потрясенный и отрезвленный, возвращается къ своимъ національнымъ алтарямъ, къ священнымъ истокамъ своей жизни...

Да звучитъ же нашъ Русскій Колоколъ!..

Съ нами Господь нашего Китежа!..

Редакторъ.

О СВЯЩЕННОМЪ.

Грозная бѣда постигла человѣчество: оно растеряло свои святыни и расшатало духовныя основы своего бытія. Его жизнь стала безцѣльна; его творчество — безсмысленно; его благія силы стали скудны и немощны; его влеченія — низменны и несбузданны. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе становится оно слабымъ въ добрѣ и сильнымъ во злѣ. Есть ли предѣлъ этому паденію и гдѣ онъ?

Это паденіе прекратится и этотъ предѣлъ установится; но не ранѣе, чѣмъ въ сердцахъ возродится живое и глубокое чувство священнаго, — живая и подлинная религіозность. Въ душахъ изсякли благодатные источники богосозерцанія; они должны вновь забить ключомъ. Современные люди какъ бы ослѣпли для Божіихъ лучей, пропизывающихъ міръ; имъ предстоитъ вновь прозрѣть. Самодовольный и плоскій разумъ возсталъ противъ живой тайны Божіей; ему предстоитъ смириться и преобразиться въ вѣрующую разумъ. Божіи лучи опять засіяютъ человѣку съ очевидностью; но до этого и для этого ему предстоитъ очиститься въ глубокихъ страданіяхъ и униженіяхъ... И изъ этой глубины онъ опять воззоветъ къ своему Господу!

Человѣчество растеряло свои святыни. Онѣ не исчезли и не перестали быть; онѣ попрежнему реальны. Но человѣкъ не видитъ ихъ, не испытываетъ ихъ, не трепещетъ и не ликуетъ отъ духовнаго прикосновенія къ нимъ, не загорается и не горитъ, не любитъ ихъ и не рвется къ нимъ, не борется за нихъ и не ищетъ ихъ осуществленія. То, къ чему тянется масса современнаго человѣчества — то не священно; а мимо священнаго она проходитъ — равнодушная и безразличная, или же буйствующая и кощунствующая. И судьба ея въ томъ, что тѣ, кто сегодня равнодушны — завтра будутъ

враждебно буйствовать; а тѣ, кто вчера были безразличны — сегодня уже изрыгаютъ хулу...

Въ горнемъ планѣ реально все попрежнему. Святъ и дивенъ Господь — и въ небесахъ, и въ Сынѣ Своемъ, и въ вѣяніи Своего Духа, и въ таинствахъ благодати, и въ тайнахъ созданнаго міра. Попрежнему все насыщено священной значительностью. Попрежнему славить Творца — и величіе горъ, и взволнованное море; и мертвый кристаллъ, и тайна живого организма; и безошибочность инстинкта, и благоговѣйно вопрошающая мысль; и пѣніе птицъ, и закатные лучи, и молчаніе ночи. Попрежнему намъ дается болѣе, чѣмъ мы умѣемъ взять, и прощается болѣе, чѣмъ мы этого стоимъ.

Но съ каждыиъ поколѣніемъ становится все больше и больше людей, которые не живутъ въ горнемъ планѣ, не видятъ его, не знаютъ о немъ и не знаютъ вообще, что онъ есть. Міръ, который они видятъ, — вещественъ и случаенъ; мысли, которыя они накапливаютъ о немъ, — плоски и мертвящи; чувства, которыми они обращаются къ нему, — мелки и похотливы; цѣли, которыя они себѣ ставятъ — коротки и себялюбивы. И вся жизнь ихъ — безблагодатна, безидейна и безкрыла. И сами они — остаются игролищемъ собственныхъ страстей и чужихъ вліяній. Они лишены хребта, но не лишены жаднаго напора. И если ихъ еще сдерживаетъ страхъ. то идея давно уже не ведетъ ихъ. Ими править не духъ, а вождетѣніе. Каждый изъ нихъ имѣетъ «существованіе», по рѣдко кто изъ нихъ причастенъ благодатному бытію и выстрадавшей, священной, благодаровавшей силѣ.

По силамъ ли имъ соблазны разнузданныхъ страстей, прикрытыхъ окаменѣвшимъ безбожіемъ? Какія священные начала они могутъ противопоставить паѳосу отрицанія? Никакихъ. Священное открывается только духовному оку; оно не открывается ни тѣлеснымъ ощущеніямъ, ни разуму, ни животнымъ чувствамъ, ни пустопорожней волѣ. Что можетъ возразить нигилисту тотъ, кто не испытываетъ и не знаетъ ничего священнаго? Практическій матеріалистъ, съ плоскими мыслями, мелкими чувствами и короткими цѣлями, — что можетъ онъ противопоставить теоретическому матеріалисту, утверждающему, что такимъ и надо быть не стыдясь? Богостынная душа безсильна передъ напо-

ромъ діавола: ибо діаволь есть лишь вѣрный идеологъ для безблагодатности и безъидейности.

Религіозно слѣпая и безкрылая поколѣнія нашей эпохи возникли не сразу и выступили совсѣмъ не неожиданно: это плодъ, давно завязавшійся и долго зрѣвшій. За этимъ умонастроеніемъ, за этимъ душевно-духовнымъ укладомъ лежитъ исторія нѣсколькихъ вѣковъ. Этотъ укладъ возникъ изъ того, что человѣкъ ослѣпился закономъ твердостью матеріи и стройностью разсудка; и отдалъ имъ центральное чувствилище своего духа; а душевная инерція додѣлала остальное. Человѣкъ зажилъ такими органами души, которые безсильны въ обращеніи къ священному, которые берутъ только внѣшнюю поверхность предметовъ и отвлеченную сторону мыслей. Бытовая, техническая полезность утвердила его въ этомъ укладѣ: любопытствующій наблюдатель сталъ успѣшно обслуживать прозаическаго корыстолюбца и оба вмѣстѣ, соединенными усилями воспитали самодовольнаго резонера. И когда привычный резонеръ и плоскодумъ обернулся назадъ и увидѣлъ внѣшніе покровы заброшенныхъ имъ святыхъ — онъ иронически и кощунственно засмѣялся.

Вмѣстѣ съ Вольтеромъ и вслѣдъ за Вольтеромъ европейское челоѣчество высмѣяло и просмѣяло свои святыхъ ни. Эта слѣпая, самодовольная и легкомысленная иронія выдавала себя и принималась за проявленіе свѣта, за высшую зрячесть. А на самомъ дѣлѣ она закрѣпляла въ душахъ слѣпоту и религіозную немощь. Это былъ не только отказъ отъ священнаго; это былъ отказъ отъ серьезнаго и благоговѣйнаго подхода къ священному. Эта иронія не только отрѣзала религіозныя крылья у челоѣка, но какъ бы прижигала еще своимъ ѣдкимъ ядомъ урѣзанныя мѣста: чтобы крылья и впредь не могли вырасти. Она опустошала міръ и душу. И, слѣдуя за нею, челоѣкъ привыкалъ считать откровеніе вымысломъ, догматъ — предразсудкомъ, молитву — чудачествомъ или ханжествомъ. Мало того, онъ привыкалъ издѣваться надъ молитвою, надъ собою, прежде молившимся, но болѣе не молящимся, и надъ самимъ Предметомъ своей бывшей молитвы. Религіозная слѣпота становилась критеріемъ просвѣщенности; а жизнь, опустошенная отъ

святыни, становилась подлинным царством пошлости.

Солнце не померкло въ небесахъ. Но ослѣпшіе глаза утратили его образъ. Душа повѣрила, что солнца нѣтъ; и погрузилась во внутренній мракъ.

Отъ насъ зависитъ выйти изъ этого мрака на подобіе того, какъ вышелъ изъ него евангельскій слѣпорожденный: ибо цѣлительная грязь уже возложена на наши глаза и намъ остается промыть ихъ и видѣть. Въ этомъ религіозный смыслъ нашего революціоннаго крушенія.

Безъ священнаго человѣку нѣтъ жизни на землѣ, а есть только прозябаніе, кружение въ порочныхъ страстяхъ, униженіе и гибель. Что мы безъ святыни? — прожорливые черви, хищные звѣри или испуганныя овцы... Живое отношеніе къ святынѣ впервые дѣлаетъ человѣка — человекомъ; служеніе ей — строить его личность и созидаетъ его характеръ.

Воспріятіе священнаго — пробуждаетъ душу къ жизни отъ соннаго прозябанія, и тотъ, кто не пережилъ этого, тотъ пусть считаетъ себя духовно спящимъ. Испытать священное и узнать его — значитъ пережить главное въ жизни, такое, чѣмъ воистину стоить жить и за что воистину стоить бороться и умереть. Этимъ воспріятіемъ душа бываетъ потрясена и какъ бы ранена; ранена — божественнымъ совершенствомъ; но не къ болѣзни, а къ исцѣленію, радости и любви. Въ этотъ моментъ, если онъ состоялся впервые, въ ней совершается какъ бы нѣкая завязь духа, личности и характера; въ этотъ моментъ въ ней какъ бы небо отдѣляется отъ земли; или въ жилищѣ ея какъ бы воздвигается алтарь; или въ градѣ ея какъ бы вознесится на горѣ Кремль съ его святынями. Въ человѣкѣ возникаетъ его священный центръ, къ которому отнынѣ все должно стекаться и отъ котораго все должно исходить. Отсюда онъ будетъ впредь обращать свои взоръ къ Божественному и здѣсь онъ будетъ искать вдохновенія и умудренія; отсюда будутъ возноситься его молитвы; здѣсь будутъ даваться его страшныя и ненарушимыя клятвы; здѣсь будутъ приниматься жизненныя и смертныя волевыя рѣшенія. Пребывать въ этомъ центрѣ и жить его откровеніями составляетъ смыслъ жизни; оберегать его въ себѣ и укрѣплять — есть пожизненное задание; служить ему есть вѣчное призваніе человѣка и источникъ бла-

женства. Ибо блаженство — въ вѣрности: въ вѣрности Божественному зову и указанію.

Гдѣ сокровище человѣка, тамъ и сердце его (Матѳ. VI. 21); и именно поэтому цѣнность человѣка опредѣляется цѣнностью его сокровища. Тотъ, кто вздыхаетъ о ничтожномъ — тотъ самъ ничтоженъ; поклоняющійся пустому — пусть въ своей душѣ. Пороченъ человѣкъ, поскольку онъ мечтаетъ о порочномъ; и золь тотъ, чья воля тянется къ злодѣйству. Но тотъ, чья радость и любовь отданы священному, кто молится истинному Богу — тотъ таинственно и реально общается Его правдѣ и Его силѣ. Онъ уже не пусть и не ничтоженъ; въ его личности есть не только земное, но и твердъ небесная, его алтарь становится главнымъ центромъ его души, а сама душа его унодобляется Кремлю. Попрежнему его душа, какъ у всѣхъ, имѣетъ свои слабости и страсти, а, можетъ быть, и пороки: «животное» и «земное» не исчезаетъ въ человѣкѣ, пока онъ живетъ на землѣ. Но личность его уже не сводится къ его страстямъ и слабостямъ; напротивъ: утвердившись въ священномъ и создавъ въ себѣ алтарь живого Бога, она вышла изъ своихъ страстей и противопоставила себя имъ. Она не исключила ихъ изъ себя; это не удалось ей; и не можетъ удался, пока она живетъ на землѣ. Но владычеству ихъ пришелъ конецъ. Она приобрѣла власть надъ ними; она уже можетъ не подчиняться и не предаваться имъ. Въ любой мигъ она можетъ сосредоточить свою энергию у алтаря, загорѣться и воззвать о помощи; и въ этотъ мигъ она уже осилила и превозмогла. Ибо въ ней есть источникъ вышей силы; и страсти уже не ведутъ ее къ падению съ той неотвратимой необходимостью, съ которой течетъ вода и сыпается песокъ.

Овященное зиждетъ въ душѣ человѣка алтарь, этотъ источникъ священнаго горѣнія и священной силы. Отсюда власть человѣка надъ самимъ собою; власть дарующая ему внутреннюю увѣренность и свободу. Эта свобода далеко еще не есть праведность; но она есть путь къ праведности. Ибо праведность достигается именно черезъ упражненіе, укрѣпленіе и осуществленіе этой свободы. Бытіе человѣка начинается именно съ этой внутренней власти и свободы; то бытіе, котораго нельзя ни разло-

жить, ни извратить, ни сломить, которое дѣлаеть изъ чело-
вѣка при его жизни — живой очагъ духовной
силы; и которое свѣтитъ другимъ, и ведетъ другихъ — и
послѣ самой смерти его.

И вотъ, избытокъ этого духовнаго самообладанія помазуетъ
человѣка — къ вѣрной власти надъ другими, къ
властному веденію и воспитанію ихъ во имя Божіе. И люди
сами чувоть и чувствуютъ это; и съ облегченіемъ пріемлютъ
такую власть, зная, что источникъ ея — въ служеніи
священному. Вотъ глубокий смыслъ этого труднаго и
таинственнаго слова: «нѣтъ власти не отъ Бога» (Рим.л. XIII. 1);
и напрасно думать, что это слово зоветъ насъ — повиноваться
дьявольской власти только потому, что она «успѣшно» воздвиг-
лась на злыхъ страстяхъ.

Что есть человѣкъ безъ святости?.. Пустая видимость чело-
вѣка; обманная личина личности, не болѣе. Къ чему способенъ
онъ, служба своимъ страстямъ и прихотямъ? Къ слишкомъ
«многому», — но именно потому, что онъ не способенъ къ гла-
вному. Можно ли вѣрить ему, если онъ самъ не вѣритъ Богу,
и если онъ черезъ эту вѣру не научился еще — вѣрить себѣ
самому? Оставаясь одинъ на одинъ, передъ лицомъ Божіимъ,
онъ отвертывается отъ Бога и измѣняетъ себѣ. Какъ же мо-
гутъ вѣрить ему другіе? Что можетъ онъ противопоставить
хладному и темному духу соблазна? Какъ противостанеть
онъ ему, не имѣя ни священнаго знамени, ни священной идеи?
Ибо если онъ нынѣ отводитъ соблазнъ только потому, что онъ
сейчасъ не сулитъ ему выгоды, то завтра соблазнъ при-
детъ къ нему въ обличіи выгоды и разчета; и увлечетъ его
на свои пути...

Что противопоставляетъ современное человѣчество заразѣ
войнствующаго безбожія? Трезвыя соображенія о томъ, что
коммунизмъ и порочность «не выгодны». А если черезъ десять
лѣтъ духовно ослѣпшія массы найдутъ, что коммунизмъ при-
быленъ, а порочность выгодна?.. Тогда онъ соскользнуть въ
бездну съ тою необходимостью, съ которою течетъ вода и обсы-
пается песокъ...

Опустошенный и растерянный, современный человѣкъ не
можетъ и не умѣетъ бороться со стихіею пошлости и съ на-
поромъ дьявольскаго начала. Для этой борьбы необходимъ
религіозный закалъ души; необходима преда-н-

ность священному и вѣрность алтарямъ. Призрачные люди не могутъ и не должны участвовать въ этой борьбѣ: они всегда будутъ подобны картоннымъ кирпичамъ, заложеннымъ въ стѣну; и чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ скорѣе обрушится стѣна. Для этой священной борьбы необходимы не оглушенные, не опоминающіеся и не прозрѣвающие; но прозрѣвшіе, окрѣпшіе и закалившіеся; такіе, которые изъ глубины своего духа поняли, что дѣйствительно не стоить жить тѣмъ, за что не стоить умереть; и которые волею приняли бремя этой великой, міровой борьбы во имя священнаго.

Такие люди яснымъ и спокойнымъ взоромъ узнаютъ другъ друга при первой же встрѣчѣ; и не ошибаются. Они узнаютъ другъ друга по священному закалу души; и вѣрятъ другъ другу такъ, какъ вѣрять исконно-своему. Ибо ничто не сближаетъ и не соединяетъ людей такъ, какъ вѣрное стояніе передъ алтаремъ единого Бога.

Отъ союза такихъ людей, стѣ ихъ волевого братства въ духѣ и въ дѣлахъ придетъ спасеніе Россіи. И каждый изъ насъ призванъ нынѣ къ тому, чтобы найти въ себѣ свой алтарь; зажечь на немъ неугасимый огонь; закалить въ немъ свое чувство, свою волю и свой разумъ; — и потомъ искать своихъ братьевъ въ духѣ; и найдя ихъ, связаться съ ними священными, закрѣпленными узами на жизнь и на смерть.

Только въ такомъ рыцарственномъ служеніи и союзѣ создастся и выдвинется необходимое Россіи поколѣніе. Поколѣніе людей, способныхъ вести борьбу и строить святую Русь подъ знаменемъ религіозной и національной, — священной идеи; способныхъ подчинить ей и начало земной власти, и начало земной прибыли; способныхъ создать власть, подлинно идущую отъ Бога.

Россія спасется и возстанетъ только черезъ священное служеніе Священному...

И. А. Ильинъ.

КАКЪ НАМЪ БЫТЬ ?

(Изъ писемъ о Россіи).

Иногда я получаю письма, написанныя болью за Россію, всегда волнующія, порой очень горькія, безоглядно указывающія на виновниковъ небывалаго разгрома, полныя убѣжденности, что — «теперь, уцѣлѣвшіе и сохранившіе еще силы борются за нашу поруганную родину, мы должны вдуматься въ наше прошлое, рѣшительно покончить съ „идеалами и фетишами” такъ называемой прогрессивной, или передовой русской интеллигенціи, въ сущности безнаціональнѣи, — должны познать подлинное свое, творить и хранить его».

Рѣдкое письмо не заключало въ себѣ вопроса: «какъ намъ быть?» Давались и рѣшенія:

«Надо выработать основы, „заповѣди”, какъ и за что стоять, свято повѣрить въ нихъ и осуществлять только ихъ, чтобы не тратить безплодно силъ».

«Мы должны отбросить вопросы „вѣчные” и „проклятые”, надъ чѣмъ больше вѣка трудилась наша радикальничавшая интеллигенція, требовавшая „прямыхъ отвѣтовъ”; должны покончить со всѣми этими разсужденіями о „правдѣ-истинѣ” и о „правдѣ-справедливости”, чѣмъ щекотали мозги досужливые люди, мучившіе себя вопросомъ — „имѣемъ ли мы право погружаться въ искусства, въ науки... получать образованіе на деньги, выколоченныя съ бѣднаго народа, пребывающаго во тьмѣ?” — это образованіе получавшіе, сидѣвшіе въ редакціонныхъ креслахъ, поджигавшіе на политическія убійства, тайно рукоплескавшіе имъ, изъ безмѣрной „любви къ народу”, будоражившіе „народъ”, толкавшіе молодежь на дѣло смерти и, въ концѣ концовъ, столкнувшіе Россію въ пропасть!..»

«Мы должны рѣшать наши вопросы, близкіе русской жизни, и аше должны познать, а не весь свѣтъ любить и за него терзаться, — терзается огнь за насъ? — укрѣплять аше, не отдѣлять „народа“ отъ Россіи, принимать всю ее, со всѣми ея классами, не отщелушивая все лучшее, что выдѣляла страна вѣками на всякихъ попрощахъ. Только, укрѣпивъ „поле русское“, попробуемъ засѣвать и „мировое поле“, если сѣмена найдутся, если суждена памъ „миссія“!»

«Наша миссія — возрожденіе Россіи. Снова и снова — подвигъ, подвигъ новаго созиданія Россіи, въ потѣ и крови монаха и солдата, вѣчныхъ русскихъ подвижниковъ! Вотъ наши идеалы. Не самоувѣренность политиковъ съ провалившимися программами, не любованье своимъ идеализмомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, не прикрытыя паэосомъ патриотизма чаянія „вернуть свое“, а великое послушаніе Россіи, великое за нее стояніе!»

«Гдѣ духовные вожди, наши?! Сколько ихъ было у „отцовъ“, и куда привели они!.. Почему не руководили лучшіе? почему осмѣивались достойнѣйшіе? Надо „разрыть могилы“, надо воздвигнуть лучшихъ, услышать непонятый ихъ голосъ. Есть они! Они же Россію создавали, указывали пути свѣтлые. Тихія ихъ лампы манили ее изъ тьмы. „Огни міра“ сожгли ее. Какъ же намъ быть?!»

Я отвѣчалъ вопрошателямъ. Я чувствовалъ, что они мучаются всѣмъ этимъ, что они ждуть совѣта. Меня смущало, что я не имѣю опыта въ рѣшеніи государственныхъ и исторической важности вопросовъ, да еще при такомъ разгромѣ, при такомъ-то провалѣ идеи и идеаловъ!; — что я не мыслитель, не политикъ, не проповѣдникъ и не судья тяжкихъ и роковыхъ ошибокъ поколѣній. И все же я отвѣчалъ по-сильно. Я понималъ, что новое поколѣние жаждетъ новаго наполненія и новыхъ идеаловъ, что безъ идеаловъ оно существовать не можетъ: оно же русское поколѣніе! Мнѣ было ясно, что мои вопрошатели отвергли специалистовъ политики и «проклятыхъ вопросовъ», что эти специалисты для вопрошателей — банкроты, что иные изъ нихъ какъ бы и виновники разгрома. Я долженъ былъ отвѣчать хотя бы для того даже, чтобы утишить огонь сжигающій. Я чувствовалъ иногда по письмамъ, что святой огонь, которымъ горѣли души лучшихъ людей и поколѣній, еще горитъ въ опаленныхъ и

оскорбленныхъ, лишенныхъ родины; что не «прометеевъ» это огонь, а чистый огонь Россіи, огонь жертвы, любви и вѣры, — огонь отъ ея лампадъ. И не «проклятые» вопросы ставятся, а воистину это крикъ страданія. Я начиналъ постигать, что теперь, надъ всѣми «проклятыми» вопросами былого, поднялся — святой вопросъ, что этотъ святой вопросъ — о бытіи Россіи. И, преодолевая сомнѣнія, отвѣчалъ, прислушиваясь къ душѣ Россіи — къ душѣ вопрошателей моихъ.

Чтобы не повторяться, я счелъ полезнымъ выступить какъ бы съ общимъ отвѣтомъ вопрошателямъ. Я не считаю эти мои отвѣты-письма исчерпывающими. Это какъ бы мси бесѣды. Я имѣю передъ собою не искушенныхъ въ «государственныхъ опытахъ» знатоковъ, а искренно мучающагося собеседника-друга, большею частью изъ поколѣнія, выросшаго въ воинѣ и разгромѣ, отдавшаго себя въ жертву за Россію, близкаго мнѣ по духу, — изъ того несчастнаго поколѣнія, которое не видало улыбки и ласки родины, которое «у чужой притолоки слонится», воздухомъ чужимъ дышитъ, но которое страстно хочетъ увидѣть лелѣемую въ мечтахъ Россію, хочетъ найти ее и крѣпко ее беречь.

Вотъ для этихъ, сердечно близкихъ, и пишу я, посильно хочу отвѣтить моему многоликому, но единому въ духѣ вопрошателю.

I.

Ваше письмо, полное горечи и боли, какое-то изступленное мѣстами, — особенно тамъ, гдѣ вы проклинаете «виновниковъ», — взволновало меня искренностью, исканіями и кипѣньемъ души вашей. И чрезвычайно обрадовало. Не страстность, не пылъ раздраженія обрадовали, — далеко не все справедливо въ обвиненіяхъ вашихъ, — а ваша духовный запасъ обрадовалъ, ваше «не подаюсь!» — ваше страстное чужие Россіи и жажда ее познать (пусть пока черезъ изученіе написаннаго о ней) — вѣра въ нее — послѣ всего! — вотъ что меня обрадовало. Этого-то какъ разъ и нехватало огромной части нашей интеллигенціи, въ Россіи жившей и такъ мало знавшей ее. Я поражаюсь, сколько въ васъ пламенной тяги къ ней, любовнаго къ ней горѣнія, словно вы въ

ней одной соединили всё чарованія невѣсты, матери и сестры, всё восторги, не отданные вами лю б и м о й, которую вы не знаете... которую только ждете, которая должна быть должна быть суждена вамъ! Вы ее любите страстно-большой любовью, какую матери любить незадачливаго ребенка.

Много больного въ вашихъ словахъ о ней. Много трепета и огня, священнаго, чистаго огня. Вы еще не любили въ жизни. Ваши любви не нашли себѣ выхода, наливались и увядали, сожженные. Именно — чистаго огня, несмотря на всю грязь и кровь, на всё ужасы, черезъ которые вы прошли, борясь неустанно и непрестанно, не подаваясь, вѣра. И сохраниться такимъ, какимъ я чувствую васъ въ письмѣ, «дѣвственникомъ», — какъ рыцарь, который «имѣлъ одно видѣнье, непостижное уму», — сохранить себя при такихъ условияхъ безпричальной, бродяжной жизни, въ работѣ подъ землею, въ глуши, безъ единственной близкой, живой опоры, при убивающемъ духъ сознаніи, что крутомъ, во всей Европѣ и по всему міру, никому, кромѣ раскиданныхъ соотечественниковъ, нѣтъ никакого дѣла до нашего! Всё противъ насъ. Въ нашей даже средѣ—сколько есть противъ нашего, сколько разъединителей и гасителей воли и вѣры нашей! А вотъ, не угасаетъ воля, не умираетъ вѣра. Вы живы и подъ землей, въ черной и душой шахтѣ, и, какъ рыцарь былыхъ эпохъ, вѣрнымъ остались Т о й, прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ, которая ни одной улыбки не подарила вамъ, которая не ваша, за которую вы приняли столько мужъ.

Понимаю васъ, когда вы говорите:

«Если бы не она — мучающій меня такъ сладко ея призракъ, въ которомъ и погубленная моя невѣста, и бѣдная моя мать, и мои пропавшія безъ вѣсти сестры... если бы не послѣдній я моя вѣра, что Россія все еще гдѣ-то есть — и будетъ! — давно бы съ собой раздѣлался!»

И еще:

«Во имя ея прошлаго, во славу ея будущаго — страдаю. Но дайте, дайте живого дѣла!»

Видите, вотъ ужъ и — идеалы. А вы съ такимъ отчаяніемъ сказали: «Надъ всѣми „идеалами” — крестъ!» Не обойдетесь безъ идеаловъ. Многое придется отвѣять изъ «идеаловъ», выправить и ввести новые идеалы, придется

и въ самой русской интеллигенціи отборъ сдѣлать и объяснить, чѣмъ была передовая, какъ вы называете иронически, русская интеллигенція, и какою она должна бы быть; но безъ идеаловъ, безъ окрыленія и озаренія жизни — ни жить, ни творить нельзя.

Объ этомъ мы еще побесѣдуемъ. А пока укажу вамъ на авторитетъ, называемый и великимъ, и національнымъ, называемый такъ почти всѣми, даже несхожими съ нами въ отношеніи къ нашему, — чтимый теперь, какъ святыня культуры нашей, — на Пушкина. Приведу чудесную его вѣру, — она-то и въ васъ горитъ:

«Два чувства дивно близки намъ —
 Въ нихъ обрѣтаетъ сердце нищу —
 Любовь къ родному пенелину,
 Любовь къ отеческимъ гробамъ.
 (На нихъ основано отъ вѣла
 По волѣ Бога самого
 Самостоянье чловѣка, —
 Залогъ величія его.
 Животворящая святыня!
 Земля была безъ нихъ мертва;
 Безъ нихъ нашъ тѣсный мръ — пустыня,
 Душа — алтарь безъ божества.)»

Правду этой, Пушкинскои вѣры вы должны чувствовать очень остро. Развѣ вы чувствуете — пустыню? развѣ ваша душа — безъ божества? Нѣтъ, пока въ душѣ — она, вы можете еще молиться. Вотъ — правда и вѣра Пушкина, заповѣдь его, національнаго, нашего Учителя, котораго мы еще мало знаемъ. Читайте и перечитывайте его. Онъ весь — національный. И, весь національный, полный національнаго, онъ и за-национальный, онъ — всякій, какъ Достоевскій открылъ его. Въ немъ какъ бы знаменіе будущей Россіи, ея возможностей! И вотъ, это его вѣщаніе — главнѣйшая изъ основъ бытія всякаго народа. Это — религиозное. Это — религія, духовная связь съ родиной. Это — національный идеаль. Это гласъ Божій въ насъ. И это онъ въ васъ, съ самаго вашего рожденія, съ первой каплей молока матери, съ первымъ звукомъ родного слова, во всѣхъ чувствованіяхъ вашихъ, во всѣхъ грезахъ. Это весь опытъ прошлаго, корни прошлаго, отсвѣты

солнца прошлаго, освѣщающіе намъ путь, съ истоковъ родины нашей, съ первыхъ дѣтскихъ ея шаговъ — до торжественно-властной поступи въ исторіи народовъ! Это голоса славныхъ гробницъ нашихъ, завѣтовъ и заклинаній тѣхъ, что пали за дѣло родины. Эти голоса наполняютъ духовное наше существо. Въ этихъ беззвучныхъ отзвукахъ слышны и шопоты надежды, и укоры, и мерцанья-грезы изъ сновъ далекихъ, и мудрыя велѣнья... Это — исторія. Это — пѣснь, вѣщая пѣснь России, вѣщій голосъ чудесныхъ ея Пѣвцовъ, ихъ «гласъ пророковъ». Это — мерцающія лампы у гробницъ, опаляющіе огни великихъ испытаній.

Великое богатство предковъ, ихъ о п ы т а , — навѣки связало васъ, и ведетъ, если вы подлинно к р о в н ы й , и х п і й . Вы — к р о в н ы й . Вы чутко слышите зовъ завѣтовъ, вѣщанія голосовъ подземныхъ. Они, эти голоса, слышимые черезъ Великихъ, чуемые инстинктомъ, шумятъ непрестанно въ васъ, стучатъ въ вашемъ сердцѣ кровью, ведутъ на страшныя испытанія, поддерживаютъ вашъ духъ надеждой, шопотомъ въ васъ влюбленной, рвущейся къ вамъ Россіи. Почему — тоска? Да потому, что о н а , единственная, к ѣ в а м ѣ р в е т с я , болью своею з н а е т ѣ , что вы отдали за нее... потому, что она вамъ дороже всѣхъ міровъ. Вы связаны съ ней навѣки, и она съ вами связана. Связь неразрывна и по смерти!

«И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать!»

Здѣсь — т а й н а родины, р о д и н ы ; — тайна тайнъ. Съ вами О н а , всегда. Беззвучный шопотъ и зовъ ея — на вашемъ бездорожьи, подъ тяжкою землею, въ шахтахъ. Этотъ — родины зовъ беззвучный — и въ вашемъ письмѣ ко мнѣ, и въ трепетѣ вашемъ страстномъ, и въ проклятыяхъ вашихъ, и въ молитвѣ... въ единственной молитвѣ — за Россію!

Ваша не правда мнѣ человѣчески понятна. Проклинаете, угрожаете, судить хотите?.. Оставьте м а л е н ь к о е , не опаляйте духа. Для творческаго дѣла храните святой огонь. З л о е коварно прельщаетъ васъ — растратить себя

впустую. Соберите себя, готовьтесь къ выдержанной борьбѣ. Духовно вооружайтесь: придетъ время.

Я понимаю, какъ кровоточить рана...

Съ перваго курса университета — въ войнѣ, три года боевой жизни, раны, опять на фронтѣ, борьба за Москву, два героическихъ года блонной борьбы, раны, эвакуація, Галлиполи... Вы все прошли. И столько потеряли!.. Лично потеряли.

Потеряли невѣсту. «Забыла...» — пишете. Отца вашего, скромнаго педагога, разстрѣляли. Вашего брата забрали въ красную армію, — онъ застрѣлился. Мать выгнали съ послѣдняго клочка, и она умерла отъ голода, отъ горя. Сестры не дають о себѣ вѣстей... Да, вы мученикъ. И ваши проклятія «отцамъ», не всегда справедливыя, оправдываются тѣмъ «адамъ», который въ вашей душѣ, въ которомъ вы прожили лучшие годы ваши. Вамъ 32, семь лѣтъ вы въ бояхъ, дважды пробита грудь. Теперь — подъ землею, бьете киркою въ черную стѣну шахты, какъ рабъ, работаете на бывшихъ враговъ, близкихъ по прошлому, за чью свободу вашъ дѣдъ проливалъ кровь подъ Плевной! Вы часто бьетесь — пишете вы въ письмѣ — «этой пезадачливой головой въ душную стѣну, черную, какъ вся моя жизнь!» И вотъ, послѣ всего такого, вы сохранили любовь къ Единственной, сохранили чудесное — вашу вѣру!..

Вы чудесный идеалистъ. Всей своей героической жизнью — эти тринадцать лѣтъ — больше, чѣмъ жизнь! — вы доказали, что «идеалы» не пустое слово, что они двигатели, что съ ними нельзя покопчить. Идеалы вели и «передовую» русскую интеллигенцію, и съ ними она не могла покончить и, думается, никогда и не покончить. Другой вопросъ, насколько всѣ эти идеалы были необходимы, цѣнны, — насколько связывались они съ главнымъ Идеаломъ. Не было ли пустой работы и, что ужаснѣе, работы во вредъ и гибель — Ему? А безъ идеаловъ... какъ же?..

Вы во многомъ правы, когда такъ страстно вините «отцовъ», «вождей». Но зачѣмъ — огульно? Не вся интеллигенція русская была такою. Были и вѣрныя направленія, законнѣйшія теченія русской мысли, здравыя государственно-національно; но, роковыми путями, не вобрали они въ себя главныя силы русскаго общества и растратили

свой огонь впустую. Нѣтъ, не впустую, впрочемъ: отъ нихъ-то и свѣтится въ васъ огонь; отъ нихъ-то и разгорится пламя! Они не созрѣли къ сроку...

Вы обвиняете «вожаковъ-отцовъ» въ легкомысленномъ отношеніи къ Россіи, въ непониманіи — что есть родина, въ беспочвенности, въ отсутствіи патріотизма, въ рабскомъ подчиненіи «европѣ», въ стыдѣ за стталость нашу, за нашу исторію, за угнетенія втянутыхъ въ насъ племень. за корыстный захватъ пространства, съ которымъ мы не въ силахъ будто бы совладать, за легкомысленныя мечты о «мірѣ», за фальшивое «христіанство» и «богопошенье», за «мессіанство»... Вы обвиняете ихъ въ стыдѣ за такую, «отсталую», «Великую Россію». Вы обвиняете ихъ, что они отказались отъ наслѣдства, отъ колыбели, качавшей ихъ. Вы обвиняете ихъ въ самолюбованіи и гордынѣ: «на цѣлый міръ замахнулись», — это вы такъ о лѣвой интеллигенціи, — «о внѣнаціонально-міровомъ обществѣ возмечтали, а что дали, что изъ Россіи сдѣлали!» Вы обвиняете ихъ въ корыстномъ захватѣ власти, во властолюбіи, въ безвѣрїи, въ рабствѣ мысли, въ поклоненіи «фетишамъ», въ непониманіи національныхъ цѣнностей, въ погонѣ за призраками, за рѣшеніемъ «астрономическихъ» вопросовъ, вмѣсто того, чтобы постигать смыслъ и цѣнность родного «чернохлѣбья». Вы обвиняете ихъ въ трусливости, что не вышли съ вами па Сатану, что оказались терпимыми къ Сатанѣ, признавъ кое-что своимъ изъ его программы, повѣривъ въ добрую его волю, досадуя на его «ошибки». Вы обвиняете ихъ въ понависти къ ошибкамъ былой власти, которыя они называли «преступленіями». Именуєте ихъ слѣпцами, неспособными видѣть великаго роста родины, которую они проглядыли всю, не желая видѣть великихъ достиженій. пугавшихъ и изумлявшихъ міръ.

«Предать — такую!»

Вы во многомъ правы, частично правы. Не вся наша интеллигенція такова: неоднородна она, разноголоса въ главномъ, безъ скрѣпы «великимъ стержнемъ». Она и теперь разноголоса, она и теперь безъ «стержня», и потому — безсильна. И вы, новое поколѣніе, чудомъ какимъ-то проявившее крѣпость воли, имѣете право обвинять ее въ дряблости. Вы, проявившій чуткость къ беззвучному голосу Россіи, имѣете право

обвинять ихъ въ слѣпотѣ и глухотѣ, въ нечужіи «почвы». Вы имѣете оправданіе: вы показали жертвенность, превыше программъ и разнобоя поставили вы Россію, кровью купили право судить, ибо и вашу кровь, и кровь миллионъ братьевъ, неповинныхъ ни въ чемъ рѣшительно, — «пустили» — какъ говорите — «на подливку къ чортовой кашѣ, которую приготовили изъ Россіи отцы-вожди, — для кого?!» Не съ «народа» же спрашивать! И мнѣ понятно, что послѣ такихъ-то нечеловѣческихъ страданій, «какъ каторжникъ въ рудникахъ, работая изъ-за горсти бобовъ, стискиваешь бессильно зубы и бьешься незадачливой головой въ душные угольные стѣны!»

«Пусть же раздумаются „отцы“ надъ этимъ!»

Они раздумываются. Лучшіе изъ нихъ уже давно раздумываются, и... — съ вами. Плакиваютъ, и такъ же бессильно бьются незадачливой головой объ душные стѣны... міра. Они сознаютъ ошибки. Непримиримы къ неисправимымъ будьте.

Вы сильны, и терпѣливо выслушаете меня. Я обвинять не буду только для того, чтобы обвинять. Я буду и оправдывать «отцовъ».

У многихъ изъ нихъ сердце облито кровью: ихъ дѣти — мученики. Вы и сами обмолвились: «да что проку въ моемъ непрощеніи и судѣ! Основоположниковъ-то разгрома, пожалуй, и нѣтъ давно. И безлики они, какъ была безлика для нихъ Россія. Останется для суда — камень, разбившій чудесный Ликъ, осквернившій святое въ Ней. А тѣло... сверлятъ и пожираютъ черви. Червей не станешь судить: ихъ растоптать, только!»

Не только «отцы-вожди»,—эта законная делегация народа. и н т е л л и г е н ц і я : придется поговорить и о п р а в и т е л я х ъ .

Пишу вамъ не для того, чтобы искать виновниковъ: надо познать ошибки и преступленія, чтобы не повторять ихъ.

Вы избрали, по моему, вѣрную дорогу: познать причины, основныя причины «краха» и подвести фундаментъ подъ будущее строеніе. Вы начали съ познаванія Россіи. Необходимо з н а т ь исторію Россіи; познать, что не простая это исторія, а какъ бы с в я щ е н н а я исторія, совершенно осо-

бренная, чѣмъ исторія другихъ европейскихъ народовъ, — вторая священная исторія, какъ была когда-то первая; — исторія со своей Голгофой! Объ этомъ мы побесѣдуемъ особо.

Вы перечитали Ключевского, «Россию и Европу» Данилевскаго, славянофиловъ. Герцена. Константина Леонтьева; — «открытие!» — говорите, — «все у Достоевскаго, что написано имъ о „русскомъ“...» Все это очень нужно. Большинство русской интеллигенціи интересовалось больше исторіей европейскихъ идей и особенно — революціи. Въ мое время исторіей русскихъ идей и идеаловъ интересовались одиночки. Большинство же такъ называемой «революціонной», или какъ вы иронически называете, — «передовой» интеллигенціи — увлекалось по русской исторіи критикой, стыдилось «взлетовъ двуглаваго русскаго орла» — «хищнаго» орла! — и «шелеста знаменъ русскихъ». Для этой интеллигенціи въ исторіи Россіи пріятнѣйшими страницами были развѣ «вольные Новгородъ и Псковъ»; «Боярская Дума»; споры ученыхъ, — была ли «конституція» при избраніи на царство Михаила Романова; бунты Стеньки и Пугачова, «проявленія массъ»; — и темнѣйшими пятнами являлись эпохи Николаевъ и Александровъ, — расцвѣтъ Россіи. Съ увлеченіемъ остротой, прочитывались книжонки, сработанныя для пропаганды, — о «тайнахъ Россійскаго Двора», о развратѣ Петра, о юбкахъ Елизаветы, о любовникахъ и фавориткахъ, объ интимностяхъ переписокъ, о подробностяхъ умерщвленія царей, о «расхищеніяхъ народнаго достоянія Самодержцами», объ угнетеніи «народа», о подавленіи самодѣятельности и независимости племень, «стоящихъ на высшей, чѣмъ мы, культурѣ», о пораженіяхъ Россіи... — хулу и пошлость, мелочи историческаго сора. Можно сказать, пожалуй, что большинство нашей — партійной и политической — интеллигенціи, считавшей себя передовою, было недовольно русской исторіей и не сказало бы такъ чудесно, какъ сказалъ когда-то въ письмѣ къ Чаадаеву мудрый и благородный Пушкинъ:

«... клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы ни переимѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какой намъ Богъ ее послалъ».

Вы читали Герцена... Да, онъ очень подчасъ стыдился... и даже извинялся, что онъ — русскій! И очень неприятно извинялся. Мы наклонны къ самооплевыванію. Было и раболѣпство передъ «европейскимъ», и зависть къ европейской исторіи, къ революціямъ и крестьянскимъ войнамъ, къ ея эффектности. Наша исторія... — какая «простота», какая «будничность»! Теперь мы имѣемъ — эффектнѣйшую, папкровоавѣйшую изъ всѣхъ исторій...

Вы ознакомились и съ идеологіей русскаго образованнаго слоя. Досадно: въ освѣщеніи пристрастномъ. Покаявшимся «отцамъ» слѣдовало бы самимъ освѣтить «путанныя дорожки», написать теперь «критику русской общественности», при свѣтѣ полученнаго «эффекта». Вы дѣлаете выводъ: «какое рабство передъ „европой“!» Да, плохо. Плохо, что безъ критики поклонялись, пересаживали, не приготовивъ почвы, въ священномъ восторгѣ пересаживали, упуская изъ вида первѣйшій изъ идеаловъ — идеаль Родины, знаніе своей почвы, неразрывную связь съ прошлымъ, съ «гробами предковъ», — родину подмѣнивъ отвлеченнымъ понятіемъ «народъ».

Васъ возмущаетъ и «болтовня философвъ», ложныхъ философвъ. И меня возмущаетъ иногда, какъ же не возмущаться вамъ?! Вы — участникъ дѣла, жертва, истекали кровью, борясь со Зломъ, видя его воочию... — а они — «блаженно-самовлюбленно плаваютъ и полопнутся въ легкомъ теченьи мыслей... упражняются въ діалектикѣ. словно играютъ въ теннисъ!» Они «играютъ въ мысли». Не обращайтесь вниманія, пусть играютъ. Слушайте вашей совѣсти, не спорьте съ ними, не возражайте имъ. Это, своего рода, — спортъ. Не возмущайтесь «куриною слѣпотою» ихъ, ничего не осмыслившихъ, не знавшихъ боя, разсматривающихъ Зло, какъ философскую категорію, и горячо порицающихъ, «съ точки зрѣнія христіанской», сопротивление Злу меломъ.

«Какъ они смѣютъ. — пишете вы, — осуждать мечъ на Сатану, мечъ — Крестъ, когда они ни меча не держали, ни ранъ отъ него не получали, ни Сатаны не видали и даже вѣрять въ него, какъ въ „философскую категорію“, а Крестъ для нихъ только условный символъ?!»

Какое до нихъ вамъ дѣло? Пусть себѣ осуждаютъ, пишутъ. Скользите мимо играющихъ.

Величайшей ошибкой было, что наша интеллигенція, за рѣдкими исключеніями, не дерзала критиковать все то, что прельщало ее «идеями», казалось повымъ: — жила импульсами. Она прислушивалась къ «философамъ», принимая «процессъ» за истину, и крики часа сего — за вѣчное. Вдохновенно-страстно бѣжала она по крику и горячо возмущалась, что правители не внимаютъ «мудрецамъ».

Исторія европейскихъ «идей» обильна примѣрами того, какъ возвѣщенное «мудрецами» раскалывало передовыя массы любой страны. Для насъ въ этомъ было роковое. Наша интеллигенція получила въ короткій срокъ множество всякихъ «идей» и «категорій», и, скороспѣлки, запутались мы и расщепились. Мы расщепились глубже и пагубнѣе, ибо мы, скороспѣлки, ходомъ нашей истории обречены были догнать. На насъ, не имѣвшихъ крѣпкой, національной, почвы, многоплеменныхъ, поставленныхъ судьбою между Западомъ и Востокомъ, обильно высыпались «идеи». И эти «идеи» раскололи, расплющили зарождающуюся единую основу, — помѣшали образованію крѣпкаго, національнаго, русскаго ядра. Вотъ тутъ-то, въ несложеніи крѣпкаго національнаго ядра, въ расщепленіи силъ лучшей части народа, въ центробѣжности этихъ силъ,—и лежитъ главная причина сваливагося на насъ разгрома. Тысячи «проклятыхъ» вопросовъ раздирали русское образованное общество. Множество силъ ушло на «прямые отвѣты», на разрѣшеніе этихъ вопросовъ, часто далекихъ намъ, когда требовалось желѣзною жизнью, сущими интересами Россіи ставить единый, святой вопросъ — укрѣпленіе бытія Россіи.

Вы пишете:

«Предали насъ, своихъ дѣтей... уводя отъ Россіи въ міръ, вода по міру, чтобы въ концѣ концовъ пустить и Россію, и всѣхъ насъ — по-міру! Любя всѣхъ, въ сущности не любили никого. Не познали Россіи и не научили и насъ познавать ее. Мы узнали ее сами, да! Мы встали за нее по инстинкту, сохранившемуся въ насъ отъ вѣковъ связанности съ нею черезъ предковъ, черезъ ихъ кровь-труды, че-

резь что-то въ ея исторіи, отъ ея воздуха, отъ ея природы, отъ ея хлѣба, — по инстинкту, въ насъ крикнувшему — спасай! — какъ часто бываетъ въ жизни, когда угрожаетъ любимому смертнѣйшій часъ, когда любимыи гдѣ-то, далеко гдѣ-то, — и вотъ, защемятъ и захолопѣтъ на сердцѣ. Они, ведущая вѣкъ интеллигенція, любили призракъ, а не живое тѣло, не живую душу Россіи».

Да, вы за нее встали — по инстинкту. Вы почувствовали Россію. Вы не познали ее реально, любовнѣйшимъ изученіемъ ея, непосредственнымъ прониканіемъ въ нее, — у васъ не было времени на это. — по вы восприняли ее черезъ душу постигшихъ ее творцовъ, великихъ, національныхъ, нашихъ, — Державина, Ломоносова, Петра, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лѣскова, Тютчева, Мельникова-Печерскаго, Менделѣева, Достоевскаго, Толстого... и многих-многихъ, — черезъ истинно полноправныхъ представителей Россіи, слушавшихъ трепеть души ея. Вы постигли ее черезъ великихъ собирателей ея — отъ Александра Невскаго до Петра, Екатерины, Александровъ, — черезъ сподвижниковъ ихъ, черезъ подлинное національное, а не «европейское», — и вы полюбили Россію дѣтскою чуткостью, взяли ее — инстинктомъ. И за нее боролись. Вы полюбили не «народъ», какъ почему-то была влюблена наша «передовая» интеллигенція, а всю ее, не дѣлимую на сословія и классы, внѣ всего переходящаго, связанную со всѣмъ и всѣми, что въ ней, и на ней, и съ ней, что было у ней, что есть, что будетъ. Полюбили такъ, какъ любили ее Великіе... какъ любили ее и цари... да, цари... какъ любить, не сознавая того совсѣмъ, и весь народъ русскій... и, запоздало, — многіе теперь русскіе интеллигенты, даже съ «программами». Вы, герои, полюбили ее и отдали за нее все, — за свѣтлую, грезящуюся вамъ Россію, за Бѣлую Россію, — не за могильный саванъ ея, а за бѣлыя пелены Рожденія! По вѣрѣ вашей, по мукамъ вашимъ — родится она, должна родиться! И больно, что есть люди, русскіе люди, которые все еще не хотятъ прозрѣть, все еще не хотятъ понять, что ваша борьба за Нее есть жертва за прошлыя ошибки и преступленія, великая жертва необходимости, страшная историческая правда, а не ошибка, или чуть ли не преступленіе!

Русская интеллигенція, роковымъ образомъ, не смогла создать крѣпкаго національнаго ядра, къ которому бы тянулось самое лучшее, самое сильное, самое яркое по талантамъ изъ всего русскаго, живого. Не было національно воспитанной, сильной, русской интеллигенціи. Былъ великій разноречивостью силъ, и равнодѣйствующая сила этихъ пошла не по Россіи, а вѣдь, — въ «пространство». Русская интеллигенція переоцѣнила это «пространство», сочтя его своимъ. Пространство не отзывалось. Оно показало себя—своимъ, не нашимъ, даже враждебнымъ намъ, оно показало въ себѣ много совсѣмъ чужихъ, національныхъ ядеръ, которыя охраняли свое, которыя не пожелали принять безродное; — и, откинутая въ пространство, Россія пошла куда-то... — и попала туда, гдѣ принимаютъ безыменныхъ,—въ цѣлкія лапы Интернаціонала, — безроднаго, безгосударственнаго, безбожнаго, алчнаго и завистливаго, умерщвляющаго живое. Попала, несмотря на героическую, — увы! — запоздалую борьбу вашу. «Народъ» безмолвствовалъ. Ибо править жизнью не «почва», а «святители». Вина не въ одномъ моментѣ, какъ и спасеніе: не черезъ моментъ. Вина давно назрѣвала. И освобожденіе — путь величайшихъ напряженій.

Надо къ нему готовиться. Лучшей части народа, его интеллигенціи, надо понять свое національное назначеніе, понять Россію, ея пути, — каждый народъ имѣетъ свои пути, — и, понявши, идти покорно, покорно цѣлямъ, указаннымъ Судьбою — Смысломъ исторіи — Богомъ. Идти и вести. Сознать ошибки, пороки и заблужденія и преклониться передъ Россіей, передъ ея путями. Она поидетъ. Силы ея велики, и надо умѣть съ ними обращаться.

Ив. Шмелевъ.

Ланды.
Августъ 1927 г.

НАША ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАДАЧА.

Вотъ уже скоро десять лѣтъ мы спрашиваемъ съ чувствомъ неутолимаго горя и тревоги: какъ могло это случиться? почему не удалось это предотвратить и пресѣчь? гдѣ причины этого невиданнаго въ исторіи крушенія? и что намъ, вѣрнымъ сынамъ Россіи, дѣлать для того, чтобы впредь это стало абсолютно невозможнымъ?

Нѣтъ смысла задавать эти вопросы въ пространство; намъ не къ кому обращаться съ ними; мы должны поставить ихъ передъ собою и сами отвѣтить на нихъ. Ибо судьбы Россіи открыты только намъ, русскимъ: міръ не знаетъ Россіи и не понимаетъ ее, и не пойметъ ее даже тогда, когда, наконецъ, догадается, что всякій образованный человѣкъ долженъ знать русскій языкъ. Намъ не отъ кого ждать свѣта и спасенія; мы можемъ рассчитывать только на свои силы. Мы сами призваны къ тому, чтобы понять, рѣшить и свершить. И надѣяться намъ можно только на Божію помощь и на собственную безконечную, религіозную преданность родинѣ: отсюда мы почерпнемъ наше разумѣніе, нашу волю и нашу неутомимость. И только смерть смѣнитъ насъ на посту...

Не въ матеріальныхъ основахъ жизни, не въ хозяйствѣ и не въ техникахъ надо искать послѣднихъ причинъ нашего крушенія, а въ духовныхъ основахъ: ибо — когда духъ на высотѣ, то онъ овладѣваетъ матеріальными условіями и задачами; тогда онъ подчиняетъ ихъ себѣ, строитъ, создаетъ и совершенствуетъ. Матеріальное важно и существенно; но оно есть лишь продуктъ духа и средство духа; и только сильный — укорененный, воспитанный и организованный духъ можетъ поставить матерію на высоту.

Наше крушеніе есть прежде всего духовное крушеніе: развалилась наша духовная храмина и возсоздать намъ надо прежде всего ее. И поскольку мы говоримъ именно

о крушеніи русскаго государства, постольку мы должны начать съ развалившася русскаго правосознанія.

Правосознаніе всегда живетъ въ насъ, но мы слишкомъ часто не замѣчаемъ его въ себѣ и пренебрегаемъ имъ. И за это бываемъ наказаны. Это оно говоритъ въ насъ, когда мы переживаемъ чувство гражданскаго долга; это оно удерживаетъ насъ отъ захвата и насилія, когда въ насъ просыпается голодь или гнѣвъ; это оно обуздываетъ наши посяганія и побуждастъ насъ исполнять наши обязанности и повинности; это оно заставляеть насъ мечтать о нашемъ національномъ и государственномъ величїи; это оно заставляеть биться наше сердце при видѣ русскаго трехцвѣтнаго флага и сжиматься болью при видѣ нашихъ униженій. Источники правосознанія — патріотизмъ и чувство собственнаго достоинства, чувство чести. Основныя проявленія его — самообладаніе и братское единеніе съ людьми единой родины. Его стихія — воля. Его орудіе — власть и подчиненіе. Его задача — крѣпкая дисциплина и несломимая организація. Облеките все это въ законъ и порядокъ — и вы создали государство. Осуществите все это силами великаго народа — и вы создадите великую державу. Подточите и разложите все это въ душахъ — и все расплывется въ смуту, хаосъ и позорную хлябь...

И вотъ, я утверждаю, что русское государство рухнуло потому, что временно поколебалось и разложилось русское національное правосознаніе. Это время нынѣ истекаетъ. Оно должно пройти безвозвратно. И на насъ лежитъ священный долгъ помочь нашему народу выйти изъ этой смуты и возстановить свое правосознаніе. Иначе онъ не возстановитъ Россію.

Для того, чтобы мы, русскій народъ, смогли начать новую эпоху въ исторїи Россїи, творческую эпоху достоинства, силы и славы, намъ надо усвоить всей душой основную аксіому политики. Она гласитъ: строить государство значитъ прежде всего и больше всего воспитывать въ народѣ глубокое и сильное правосознаніе.

Правительство, уклоняющееся отъ этой задачи — подтачиваетъ бытіе своего государства. Правительство, развра-

щающее правосознаніе своего народа — заслуживаетъ самаго позорнаго конца.

Грѣхъ русскаго дореволюціоннаго правительства на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій состоялъ въ томъ, что оно уклонялось отъ этой задачи: оно пользовалось правосознаніемъ русскаго народа, но не воспитывало его; оно напрягало и даже перенапрягало его, но не вскармливало его ни собственностью, ни справедливымъ рангомъ, ни вѣрною мѣрою свободы. Злодѣйство же совѣтскаго правительства состоитъ въ томъ, что оно осуществило въ исторически небывалыхъ размѣрахъ систематическое растлѣніе русскаго національнаго правосознанія: донинѣ сѣять оно соблазнъ и насаждаетъ преступность въ благодушной и благородной, но дѣтской душѣ нашего народа; и этимъ оно готовитъ себѣ неизбѣжно жестокой и позорный конецъ.

Если хоть на минуту отрѣшиться отъ микроскопическаго разсматриванія текущихъ политическихъ событій и взглянуть впередъ на вѣка, то надо будетъ установить съ несомнѣнностью: будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. Народы же, захваченные пороchoй противогосударственностью или отравленные виѣполитической сентиментальностью — будутъ разложены и поглощены; они прекратятъ свое самостоятельное существованіе; и совершится это еще на протяженіи ближайшихъ столѣтій.

Вотъ почему русскій человѣкъ, русскій государственномыслящій патріотъ имѣетъ передъ собою основную задачу, о которой онъ долженъ думать день и ночь: задачу углубленія и укрѣпленія русскаго національнаго правосознанія.

И посмотрите, какъ исторія идетъ въ этомъ намъ навстрѣчу...

Я имѣю въ виду, конечно, не государственныя и культурныя «завоеванія» революціи, а тотъ отрицательный активъ, который накапливается въ русскихъ душахъ. Пусть глупцы или софисты говорятъ о «завоеваніяхъ революціи». Мы говоримъ о ея урокахъ и обличеніяхъ. Отрицательные уроки революціи велики и глубоки; и проходить

мимо нихъ непростительно даже самымъ легкомысленнымъ обывателямъ.

Такъ, передъ революціей въ умѣ и сердцѣ русской интеллигенціи царилъ хаосъ: добро и зло смѣшались до неразличимости; людямъ видѣлся ликъ «святости» у дьявола, а когтей, выглядывавшихъ изъ подъ «ангельскаго» хитона никто не могъ или не хотѣлъ замѣчать. Большая религіозность интеллигенціи тянулась къ эротическому пустословію, а политиканствующая революціонность становилась чѣмъ-то вродѣ религіи. Русская государственная власть поносилась, какъ сущее зло, а ея властныя и необходимо строгія мѣры, ограждавшія бытіе Россіи, обличались, какъ «озлобленное насилие». Политическія и уголовно-политическія преступления считались доблестью; а вѣрныя слуги Россіи убивались на всѣхъ перекресткахъ. Умъ становился все циничнѣе, а добродѣтель оставлялась на долю наивнымъ «недоумкамъ»...

Въ революціи зло выдѣлилось, обособилось, скинуло всякіе покровы и не стѣсняясь явило міру свою богомерзкую харю... — —

Видѣли ли мы ее? Испытали ли ее окаянную злобу? Поняли? Научились?.. — —

Поистинѣ, никогда еще въ исторіи человѣчества не было дано людямъ такъ и такое для отрицательнаго умудренія. Никогда еще чистое зло не выявляло себя съ такимъ неприкрытымъ, сознательнымъ безстыдствомъ, съ такимъ «пророческимъ» ожесточеніемъ, съ такою навязчивою притязательностью. Здѣсь патріотизмъ и доблесть были прямо объявлены «преступленіемъ», а цинизмъ сталъ естественномъ ума. Революція пограла живую и чистую религіозность, и провозгласила свою ложь послѣдней и окончательной истиной. Досужее и нечистое пустословіе предреволюціонной публицистики смѣнилось неистовымъ срамословіемъ большевизма. Дьяволъ всталъ во весь ростъ и заставилъ русскую интеллигенцію признать, что не все на свѣтѣ «условно» и «относительно», что есть безусловная мерзость, и что спасеніе наше — въ обращеніи взора и души къ Богу...

Послѣ революціи нельзя шататься въ духовной смутѣ. Нельзя тянуть къ «мистическому анархизму», къ «хлыстовству», къ черной и получерной магіи, къ «аристократическому бунтарству», къ «народническому непротивленству»,

къ «революціонной церковности», къ салонному радикализму и ко всякой другой постыдной и притязательной безпредметности. Въ революціи пришлось научиться — вѣрно и увѣренно отличать, гдѣ въ земной жизни Дѣло Божіе, и гдѣ дѣло діавола. И тотъ, кому революціонная грязь не открыла глаза, того историческій процессъ унесетъ — или въ станъ діавола, или, какъ опавшую листву, въ ворохъ историческаго мусора.

Будущее принадлежитъ народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. И если мы хотимъ, чтобы Россія имѣла будущее и, притомъ, великое будущее, то мы должны стремиться къ тому, чтобы русское правосознаніе углублялось и крѣпло.

И, прежде всего, чтобы оно углублялось.

Это означаетъ, что мы должны религиозно осмыслить право и религиозно обосновать государство. Осмыслить — не разсудкомъ; и обосновать не въ теоріи. Иѣтъ. Цѣльно, изъ глубины, чувствомъ и волею испытать и принять этотъ смыслъ, и связать нашу государственную жизнь и дѣятельность съ послѣдними основами нашего христіанскаго боговидѣнія.

Это необходимо не потому, что «религія нужна государству»; и не потому, что «религіозность полезна народу въ моральномъ отношеніи». Но потому, что религіозно неосмысленное и неосвященное — вообще ненужно человѣку въ высшемъ смыслѣ этого слова; и то, что религіозно необосновано, т. е. не укоренено въ Бого-воспріятіи, — то мертво, безсильно и бесплодно въ духовной жизни.

Но именно поэтому, въ противовѣсь современному «непротивленчеству», половинчатому и межеумочному, но развязному и притязательному, — я считаю правильнымъ поставить вопросъ такъ: если «православно» вѣрующій человѣкъ, по цѣльной и глубокой, жизненно-искренней вѣрѣ своей, считаетъ право и государство началами христіански грѣховными, злыми, «насильническими» и неприемлемыми, — то онъ долженъ не только мужественно и честно выговорить свое исповѣданіе, но и реально начать вѣдѣть государственную и безправную жизнь, къ какимъ бы тягостнымъ или даже трагическимъ послѣдствіямъ это ни привело его. Или же, наоборотъ, онъ долженъ выговорить

и мужественно исповѣдать обратное: онъ долженъ усмотрѣть и признать, что право и государство могутъ быть и должны быть орудіями Дѣла Божьяго на землѣ; что можно осуждать несправедливое право и можно бороться съ государственностью, и скаженною или употребленною во зло; но что слѣпо и неумно твердить объ ихъ «насильнической» природѣ. И послѣ этого онъ долженъ реально начать новую, христіански осмысленную, правовую и государственную жизнь.

Послѣ революціи нельзя думать и говорить одно, а чувствовать и дѣлать другое. Прошла пора салонныхъ фразъ, отвлеченныхъ сентиментальностей и безотвѣтственной критики. Бремя Россіи пало на наши рамена. Намъ нельзя ни уклоняться, ни отказываться. Русская интеллигенція нашихъ дней (готова она къ этому или не готова) должна замѣстить павшихъ, поднять бремя, принять отвѣтственность, и честно, и мужественно осуществить свой долгъ. И помнить что революція въ Россіи была только первою пробою мірового злодѣйства; что борьба съ ея остатками и послѣдствіями захватить и рядъ послѣдующихъ поколѣній; что оправившись отъ этой революціи, Россія будетъ имѣть за спиною рядъ лѣтъ неистовой, деморализующей пропаганды, а вокругъ себя — зараженныя, не переболѣвшія страны...

Надо помнить, что все двоящееся и половинчатое обречено въ начавшейся мировой борьбѣ: для него есть только два пути — въ станъ діавола или въ мусорную яму истории...

И потому необходимо, чтобы русское правосознаніе не только углублялось, но и крѣпло.

Религіозная укорененность есть первый залогъ крѣпости. ибо она дѣлаетъ человѣка — Киѳою. Остальное должно довершить умственное и волевое воспитаніе народа на основахъ собственности, справедливаго ранга и вѣрной мѣры свободы.

Нельзя и нелѣпо думать, что «народъ» воспитается какъ-то «самъ собою». И если эта фраза имѣетъ вообще какой-нибудь смыслъ, то лишь тотъ, что народъ выдвинетъ изъ своихъ собственныхъ нѣдръ мыслителей и воспитателей, которые сначала сами въ себѣ откроютъ путь къ вѣрному правосознанію, а потомъ укажутъ его другимъ и по-

будуть этихъ другихъ насадить это вѣрное правосознаніе въ массѣ.

Но именно къ этому мы и зовемъ. И такъ оно, конечно, и будетъ: русская интеллигенція пойметъ законы духа и исторіи, встанетъ на вѣрный путь и совершитъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній дѣло національнаго воспитанія. Ибо это дѣло. дѣло національнаго воспитанія, всегда и всюду выполнялось интеллигенціей: монахомъ, пастыремъ церкви, школьнымъ учителемъ, ученымъ, художникомъ, офицеромъ. судьей и чиновникомъ. И эта интеллигенція есть не чуждый. извнѣ приходящій, безнациональный слой, но вышедшая изъ нѣдръ самого народа ея собственная сила вѣры, воли и ума. Интеллигенція есть порожденіе народа; народъ есть созданіе интеллигенціи. Это связь глубинная, духовная, органическая. И гдѣ ея нѣтъ, тамъ національное крушеніе у порога.

Горе Россіи, если она въ ближайшія десятилѣтія не найдетъ у себя здоровой и сильной, ведущей и воспитывающей интеллигенціи! Горе намъ, если этотъ слой — чувствомъ, волею и разумѣніемъ — окажется опять не на высотѣ; если онъ поддастся вліянію черной или красной полу-интеллигенціи.— черной, съ ея классовыми вождѣльпніями, съ ея обскурантизмомъ, съ ея демагогическимъ презрѣніемъ къ русскому простому народу и ея ненавистью справа; и красной, съ ея «классовою борьбою», съ ея безбожіемъ, съ ея «соціалистической» агитаціей, разжигающей жадность, бунтарство и ненависть слѣва!..

Но для того, чтобы воспитывать другихъ, интеллигенція должна сначала воспитать себя: воспитать въ себѣ чувство государственной отвѣтственности и способность къ цѣльнымъ и мужественнымъ поступкамъ.

Воспитаніе совѣмъ не сводится къ «обученію» и «уговариванію». Нѣтъ, слово есть реальное событіе только тогда, когда за нимъ стоитъ дѣло: во-первыхъ, живой примѣръ. волевой поступокъ, живая система дѣйствій; во-вторыхъ, вѣрная правовая и хозяйственная реформа... «Обучать» можно и словами; для воспитанія нужны дѣла. Поддерживать кое-какъ порядокъ въ странѣ можетъ и грубый, и гнусный ре-

жимъ; для воспитанія необходима творческая мѣра собственности, справедливый и подвижной рангъ и вѣрная мѣра свободы.

Интеллигенція нуждается въ силѣ характера. Для того, чтобы вести свой народъ, она должна не только много знать и вѣрно понимать; она должна еще — вѣрно видѣть національныя цѣли и честно служить имъ.

Интеллигенція, состоящая изъ безпринципныхъ карьеристовъ и продажныхъ взяточниковъ — творить предательство по отношенію къ родинѣ; государство не можетъ ею строиться; и народъ или выдвинетъ на ея мѣсто новыя національныя кадры, или погибнетъ.

Интеллигенція безвольная, робкая, близорукая и сентиментальная — не можетъ быть ведущимъ слоемъ своего народа; ибо ведетъ сила, а не слабость; мужество, а не трусость; дальнозоркость, а не безпомощная слѣпота.

Интеллигенція же, состоящая изъ профессиональныхъ агитаторовъ, поджигателей и ниспровергателей — перестаетъ быть интеллигенціей и становится вреднѣйшей разновидностью черни. Именно черни: ибо душа демагога хранитъ въ себѣ «квинтэссенцію черни»; именно вреднѣйшей, ибо — воинствующей, насаждающей зависть и въ честолюбіи своемъ порочной...

Еще въ Россіи, въ періодъ военнаго коммунизма мнѣ не разъ приходилось слышать и отъ коммунистовъ, и отъ взбаламученнаго простонародья, и отъ впавшаго въ уныніе, смѣщеннаго интеллигента, — что въ Россіи интеллигенція «не нужна», что «народъ» и безъ нея «управится»... И каждый разъ я съ грустью думалъ, что, дѣйствительно, интеллигенція, не воспитывающая народное правосознаніе или прямо развращающая его — не нужна народу; но не нужна только потому, что она не нужна Дѣлу Божьему на землѣ. Она, поистинѣ, какъ соль, потерявшая свою силу... Но національная, волевая и честная интеллигенція, способная вести и воспитывать свою національную неинтеллигенцію, — и вѣрой, и дѣломъ, и реформой, и вырастающимъ изъ всего этого отвѣтственнымъ и мужественнымъ словомъ, — она необходима странѣ, она необходима ей прежде всего и больше всего...

Будущее принадлежит народамъ съ углубляющимся и крѣпнущимъ правосознаніемъ. И судьба Россіи зависитъ отъ того, найдется ли у нея вѣрующая, волевая, идейная и государственно умудренная интеллигенція, вѣрная Богу и родинѣ, сильная дѣломъ и словомъ...

И. А. Ильинъ.

МЫ ТРЕБУЕМЪ ПОНИМАНІЯ.

(Открытое письмо къ русской эмиграціи).

Вы не должны судить и осуждать насъ. Вы должны насъ понять. Вы должны признать важность совершаемаго нами дѣла; не мѣшать намъ и молиться за насъ.

Трагедія, переживаемая нами, невидана въ исторіи; и кто въ правѣ судить насъ, не выстрадавъ наши душевныя и тѣлесныя муки? Изъ дня въ день, изъ года въ годъ, вдругъ утративъ все: очагъ, покой, безопасность, личную жизнь; голодая и нищенствуя; видя вокругъ низость и свирѣпость; понимая порочность и бессмысленность творимаго; тая про себя любовь и ненависть; все время теряя изнемогшихъ близкихъ; истомивъ свое сердце укорами и страстно любя нашу Россію, — нести ярмо униженій и сыска, блюсти въ себѣ огонь вѣрности и думать... что вы насъ считаете приспособившимися предателями...

Знаете ли вы, что значить не брать совѣтскаго мѣста и ежедневно по нѣсколько разъ перевязывать своимъ дѣвочкамъ туберкулезныя рапы? Знаете ли вы, что значить годами посить своему мужу передачу въ тюрьму и на третій годъ узнать, что онъ разстрѣлянъ? Знаете ли вы, что дѣлается въ душѣ профессора, жена котораго стала базарною торговкою для того, чтобы онъ не унижался на кафедрѣ? Знаете ли вы, какъ умерла гениальная Садовская — вся во вшахъ, въ заледенѣлой комнатѣ, освѣщенная лучиною въ рукахъ опоздаващаго доктора? Знаете ли вы о безчисленныхъ заговорщическихъ — безвѣстно погибшихъ въ застѣнкѣ только вслѣдствіе своей заговорщической неумѣлости? Знаете ли вы этотъ кошмаръ: жить въ одной комнатѣ со вселѣнными коммунистами? Можете ли вы измѣрить всѣ наши неисчислимыя и неописуемыя муки?

Такъ не судите и не осуждайте насъ. А поймите, что мы должны были здѣсь остаться и вынести все до конца.

Вы уѣхали и эмигрировали; мы понимаемъ тѣхъ изъ васъ, кто уѣхалъ для борьбы; но мы не осуждаемъ и тѣхъ, кто эмигрировалъ отъ робости или изъ инстинкта самосохраненія, — ибо нельзя всѣмъ быть героями.

Но мы остались. Почему? Зачѣмъ?

Начнемъ съ того, что русскій простой народъ, крестьяне и рабочіе, были съ самаго начала обречены на то, чтобы при всѣхъ условіяхъ изжить свою революціонную болѣзнь на мѣстѣ. Рады они были революціи, или не рады, дѣлали ее сами, или только страдали отъ нея, — они не могли эмигрировать въ силу естественныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ законовъ. Осѣдлый народъ не покидаетъ своего мѣста; имъ владѣтъ духовная инерція и спасительный инстинктъ. Мы не номады.

Но если такъ, то правильно ли было бы, цѣлесообразно ли было бы для нашего національнаго дѣла, чтобы мы, русская интеллигенція, духовно созрѣвшая для осмысленнаго политическаго эмигрированія, чтобы мы всѣ до одного оставили нашу страну и нашъ болѣющий революціей простой народъ, всю нашу вещественную и духовную культуру, и выѣхали за границу? Нашъ простой народъ, какъ дитя довѣрчивъ, какъ дитя поддается дурнымъ вліяніямъ, какъ дитя буяннить. Не мы ли виноваты въ томъ, что эти дурныя вліянія проникли къ нему и что онъ пошелъ за коммунистами? И теперь, когда это совершилось, мы должны были оставить его наединѣ: съ ними? Нѣтъ. Одни изъ насъ должны были уйти; а другіе — остаться. Мы должны были остаться на мѣстѣ; принять и бунтъ, и напоръ, и ограбленіе; принять травлю отъ большевиковъ, голодъ, тюрьмы и униженіе; все это видѣть, пережить на себѣ и выстрадать — для того, чтобы, идя на растерзаніе и на разстрѣлъ, отстаивать Россію изнутри; чтобы во всѣхъ гоненіяхъ и униженіяхъ соблюсти нашу Православную Церковь, соблюсти въ себѣ и въ народѣ вѣру въ Россію, сохранить остатки національнаго чувства, сохранить общеніе съ нашимъ простымъ народомъ, который долженъ же былъ однажды отрезвиться и услышать нашъ зовущій (хотя бы шепотомъ) голосъ . . .

Мы должны были соблюсти наше мѣсто тамъ — для Россіи, даже цѣною отвратительныхъ политическихъ и духовныхъ компромиссовъ, нравственно насилуя себя, вступая на совѣтскую службу, общаясь съ этими людьми и исполняя ихъ противоестественные декреты. Не думайте, что мы не понимаемъ нравственную и политическую природу этого образа дѣйствій. Нѣтъ, мы додумали здѣсь все до конца. Но мы хотѣли бы, что вы-то поняли его національную необходимость и его политическую непредосудительность!

Покинуло ли православное духовенство Россію, когда ею завладѣли иновѣрные и свирѣпые татары? Эмигрировало ли оно въ наши дни, въ дни торжества воинствующихъ безбожниковъ и растлителей, или въ большинствѣ своемъ осталось на своемъ посту? Правъ ли духовникъ, покидающій пасомага грѣшника? Легко ли было митрополиту Алексѣю ѣздить въ ханскую ставку? Не скончался ли въ наши дни Святѣйшій Патріархъ, нравственно замученный чекистами? Чему же учать насъ священныя традиции Православія?

Они учатъ насъ тому, что въ часъ бѣды, соблазна и порабощенія воспитатель не долженъ оставлять своего воспитанника на произволъ судьбы. Ведущему мѣсто тамъ, гдѣ болѣетъ, бунтуетъ, страдаетъ и гибнетъ вѣдомый. И намъ ли, простымъ смертнымъ, въ эти ужасные годы оскверненія и посрамленія всей страны, намъ ли, виновнымъ въ допущеніи и попущеніи этой бѣды — мнительно тревожиться о незапятнанности нашихъ политическихъ одеждъ? Вашъ путь, путь эмиграціи, вель васъ къ борьбѣ посредствомъ выдѣленія и ухода. Эту задачу вы выполняете нынѣ за всю русскую интеллигенцію. А мы, оставшіеся, взяли на себя другую задачу: не оставить нашъ простой народъ на произволъ судьбы, выстрадать все вмѣстѣ съ нимъ и беречь Россію изнутри. И эту задачу мы выполняемъ нынѣ тоже за всю русскую интеллигенцію.

Цѣною личной чистоты и жизни, цѣною тягостныхъ, часто едва выносимыхъ политическихъ компромиссовъ, мы блюдемъ Россію изнутри, блюдемъ все, что можно сохранить отъ нея — ея церковь, ея научныя и художественныя сокровища, живой составъ ея народа, ея природныя и техническія богатства, ея бытъ, ея вѣру, ея семью, ея душу. Блюдемъ, какъ умѣемъ; бережемъ, какъ удастся. Поддерживаемъ,

собираемъ, спасаемъ; строимъ, уговариваемъ, лѣчимъ, выпрашиваемъ, доказываемъ, отстаиваемъ, требуемъ; — въ твердой увѣренности, что большевизмъ минуетъ и коммунизмъ исчезнетъ, а Россія устоитъ и расцвѣтетъ на основѣ всего своего соблюденнаго достоянія.

У насъ не было въ этомъ никакого стовора и соглашенія. Мы не состоимъ въ заговорѣ; среди насъ нѣтъ никакой соотвѣтствующей организаціи. Мы просто слѣдовали и слѣдуемъ патріотическому чувству, здоровому инстинкту осѣдлаго и культурнаго народа, когда-то въ мукахъ переболѣваемаго злую татарщину и нынѣ въ мукахъ изболѣвающего революціонный коммунизмъ. При этомъ мы совсѣмъ не выдаемъ себя за коммунистовъ: и мы сами совсѣмъ не настолько изогнались, да и они не повѣрили бы намъ. Но сила вещей заставила насъ занять «лояльную» и «нейтральную» позицію — и такъ служить Россіи, ея живому интересу, ея вѣчному дѣлу, даже и въ тотъ періодъ ея исторіи, который накрываетъ ее сумасшедшимъ колпакомъ коммунизма.

Не говорите намъ, что мы тѣмъ самымъ «служимъ коммунизму». Но, если можете, то скажите, возможно ли служить здѣсь Россіи, не состоя на службѣ у коммунистовъ? Вѣрьте намъ: коммунизма спасти нельзя. Коммунизмъ, какъ система, безнадеженъ: онъ таитъ въ себѣ такія внутреннія ошибки и такіе пороки, которые его все равно погубятъ. Онъ падетъ. И падетъ не отъ нашихъ неумѣлыхъ заговоровъ, и не отъ «эволюціи» коммунистовъ, а отъ той внутренней соціальной катастрофы, которую онъ самъ вызоветъ, своимъ собственнымъ естествомъ, и которая быть можетъ осложнится и какимъ-нибудь военнымъ столкновеніемъ. Этотъ сумасшедшій экспериментъ не надо было допускать; его можно было прервать; и, если это возможно, то пусть онъ будетъ прерванъ и нынѣ. Но возможно, что онъ будетъ доведенъ до конца, т. е. до самопогубленія; и мы должны выстрадать и это; выстрадать вмѣстѣ съ нашимъ, нынѣ уже выздоравливающимъ отъ революціи, полуторастами миллионнымъ народомъ. И вся наша «лояльная» «служба коммунизму» состоитъ развѣ лишь въ томъ, что мы предоставляемъ ему развертывать его противоестественность и обреченность.

Не указывайте намъ на то, что это «все-таки компромиссъ». Мы знаемъ это и сами. Но трагедія наша въ томъ-то и со-

стоитъ, что здѣсь пѣть исхода, свободнаго отъ компромисса. Работать для Россіи въ Россіи—можно теперь только изъ-подъ коммунистическаго ярма. Лѣчить, учить, судить, хозяйствовать, кормить, строить армію нельзя помимо этого ярма. Мы понимаемъ это; мы испытываемъ и знаемъ это лучше, чѣмъ вы. Но мы знаемъ и чувствуемъ еще одно: на насъ лежитъ этотъ долгъ и мы выполнимъ его до конца. Это нашъ долгъ передъ грядущими русскими поколѣніями: и за исполненіе этого долга мы расплачиваемся цѣною здоровья и жизни, цѣною лояльности по отношенію къ нашимъ порабощителямъ и цѣною такихъ моральныхъ напряженій и жертвъ, о которыхъ остальное человѣчество не имѣетъ никакого представленія.

У васъ задаютъ всегда еще вопросъ, почему мы не начинаемъ возстанія изнутри? зачѣмъ и почему мы терпимъ «все это» безмолвно?

Вспомните: революція всѣхъ насъ застала врасплохъ. Кто изъ насъ прозрѣвалъ ея сущность? Кто предвидѣлъ ея будущій ходъ и развитіе? Кто изъ честныхъ русскихъ патріотовъ умѣлъ составлять заговоры и «конспирировать»? Никто не зналъ, сколь свирѣпы и цѣпки большевики; никто не вѣрилъ, что черный вихрь исторіи будетъ имъ столь попутенъ... Они и сами не ожидали этого.

И тѣмъ не менѣе заговоры и возстанія начались немедленно. Никто изъ васъ и никто изъ насъ не знаетъ ни числа, ни именъ тѣхъ русскихъ патріотовъ, которые погибли въ этихъ заговорахъ. Люди компрометировали себя и шли на смерть десятками тысячъ, — неосторожные, неумѣлые, неподготовленные, проговаривавшіеся за чашкой чая, неумѣвшие скрыть свою военную выправку, забывшіе покрыть мозолями бѣлыя руки. И каждая неудача усиливала шпионажъ и сыскъ, которые нынѣ прочитали собою всю толщу городской жизни пасквозь.

Великая война выдѣлила и уложила на полѣ чести первый кадръ активныхъ русскихъ націоналистовъ. Второй—легъ въ гражданской войнѣ. Третій—погибъ въ заговорахъ. Какая страна выдержала бы такое выкачиваніе воли, такое опустошеніе? Не удивляйтесь же, что люди съ волею и съ патриотизмомъ нынѣ ушли въ себя и не повторяютъ безплодныхъ попытокъ. Для заговоровъ нуженъ особый закалъ души, особое знаніе коммунистическаго сыска, особая выдержка и без-

ошибочный расчетъ. Мы, рядовая интеллигенція и полунинтеллигенція, измученные и утомленные, мы къ активному героизму не способны; не ждите его отъ насъ; намъ бы лишь справиться съ нашей скромной задачей «пассивнаго» и «лѳойяльнаго» огражденія русской Церкви, русской семьи и оставшагося отъ русской культуры...

У васъ принято еще говорить, что мы здѣсь задавлены и унижены. Мы знаемъ это. Но мы знаемъ также и то, что такого гнета и террора мѳръ не видѣлъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ; и что въ этомъ гнетѣ и въ этомъ террорѣ, почти каждый изъ насъ, русскихъ патріотовъ, — а я говорю именно про насъ, преданныхъ Россіи, — каждый выносилъ въ себѣ нѣкоторую глубину чувства, которая своевременно принесетъ свои плоды. Мы научились скрывать это; мы привыкли молчать. Мало того: мы научились, гдѣ необходимо, произносить слова мертвой лѳойяльности, на которыя вы иногда наивно возмущаетесь... Но ни этотъ гнетъ, ни это униженіе не доходятъ до дна нашихъ душъ; и Богу одному вѣдомо, что каждый изъ насъ думаетъ и о чемъ онъ молится про себя.

Мы утомлены и переутомлены. Этого нельзя скрывать ни отъ себя, ни отъ васъ. Мы слишкомъ много пережили... и потеряли. Никто изъ насъ не увѣренъ, проживетъ ли онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но среди тѣхъ изъ насъ, кто выживетъ, вы найдете такихъ закаленныхъ и крѣпкихъ людей, которые на удивленіе мѳру будутъ строить вмѣстѣ съ вами новую Россію.

И пишу это для того, чтобы сказать вамъ всѣмъ, русскимъ эмигрантамъ: вы не должны осуждать насъ, несущихъ ярмо въ Россіи. Мы не разлюбили нашу родину; мы не предали ее; мы вѣрны ей попрежнему. Но форма нашей вѣрности и нашей борьбы иная, чѣмъ у васъ: повидимому, совсѣмъ не свѳободная и совсѣмъ не активная, по гораздо болѣе тяжкая и мучительная. Мы представляемъ себѣ, что вы дѣлаете за рубежомъ; и знаемъ, что это необходимо. И только иногда сѣтуемъ на легкомысліе вашей печати, неосторожно компрометирующей насъ разными невѣрными сообщеніями; да еще на то, что осуждая насъ, вы не обнаруживаете пониманія нашего дѣла и нашей трагедіи.

Дѣлайте же ваше дѣло и не думайте возвращаться въ Россію преждевременно. Не вѣрьте никакимъ маловѣроятнымъ

«амністіямъ», ни отъ «центра», ни отъ «оппозиціи». Ваше заданіе — быть за предѣлами досягаемости и оттуда вести обдуманную борьбу.

Но поймите же и оцѣните нашу незримую и жертвенную работу здѣсь. Этого требуетъ справедливость.

Прибывшій оттуда.

БЕЗСТРАШНЫЕ ЛЮДИ.

(Историческая справка).

«Безстрашные люди». Эти слова взяты из исторического документа — из единственной, дошедшей до нас, грамоты Патриарха Гермогена, относящейся къ 1611 году. Грамота эта очень немногословна. Она писалась, видимо, второпяхъ. Но, будучи немногословной, она содержитъ въ себѣ многоговорящія, огненные, призывныя слова, обращенныя ко всей национальной патриотической Россіи того времени, зовущія къ памятованію своего долга и къ отвѣтственнымъ политическимъ рѣшеніямъ. А заканчивалась эта грамота какъ разъ упоминаніемъ о «безстрашныхъ людяхъ»:

«А прислати прежнихъ же, коихъ естя присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными, безстрашныхъ людей, свяженина Родіона Мосѣева да Ратмана Пахомова...»

Въ этой грамотѣ Патриархъ Гермогенъ просилъ нижегородцевъ, къ которымъ онъ обращался съ нею, въ первую очередь прислать къ нему въ Москву, въ Кремль, заняты поляками, державшими въ то время Патриарха въ тюремномъ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, «безстрашныхъ людей» Родіона Мосѣева и Ратмана (т. е. Романа) Пахомова, которые уже присылались прежде къ нему съ «совѣтными челобитными» изъ Нижняго Новгорода, а, можетъ быть, и изъ другихъ городовъ. Изъ другого документа мы знаемъ, что Родіонъ Мосѣевъ былъ «посадскимъ человѣкомъ», т. е. зауряднымъ городскимъ жителемъ небольшого городка Свияжска, расположеннаго подъ Казанью; а Романъ Пахомовъ былъ «сыномъ боярскимъ», т. е. военнымъ человѣкомъ, дворяниномъ, по нашему — младшимъ офицеромъ. Такимъ образомъ, эти «безстрашные люди», одинъ штатскій, а другой военный, несли трудную нелегальную конспиративную службу связи, содѣйствуя общенію фактически плѣненнаго Патриарха

съ его паствой, съ русскими людьми, отрѣзанными отъ него одолѣвшею Русь враждебною силою. —

Какъ разъ въ это время смута и разорение на Руси достигли наибольшей высоты. Россія переживала ужасы междоусобицы. Самозванцы бродили по ея просторамъ. Вслѣдъ за Лжедмитріемъ I появились и другіе Лжедмитрии. Долгое время Москвѣ угрожалъ Лжедмитрій II, такъ называемый «Тушинскій Воръ», расположившись съ своимъ войскомъ лагеремъ въ Тушинѣ, почти подъ самой Москвою, бѣжавшій потомъ въ Калугу и погибшій какъ разъ въ 1611 году, когда Родионъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ ходили тайкомъ къ Патриарху и отъ Патриарха въ разныхъ мѣстахъ появлялись все новые Лжедмитрии. Во Псковѣ былъ свой «воръ». Въ другомъ углу на низовьяхъ Волги и на Дону дѣйствовали другіе самозванцы. А надъ остатками «тушинцевъ» все еще парилъ призракъ перваго Лжедмитрія въ лицѣ злосчастной Марины Мнишекъ и прижитого ею въ скитаніяхъ сына ея, такъ называемаго «воренка»

Въ самой Москвѣ бояре послѣ низложенія Царя Василя Шуйскаго, инсценировали процедуру «всенароднаго» избранія на царскій престолъ католика, королевича Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда, осаждавшаго русскихъ героевъ въ Смоленскѣ, впустили въ Кремль польскіе отряды и отправили къ Сигизмунду, для окончательныхъ переговоровъ о воцареніи Владислава, свое «великое посольство» Москва незамѣтно оказалась оккупированной польскимъ войскомъ и переживала тяжелую пору польской военной диктатуры. Ею фактически правилъ отъ имени «семи бояръ», оставшихся въ Москвѣ, и пытался править также и другими городами и уѣздами—полковникъ Гопсеѣвскій, смѣнившій Жолжѣвскаго Въ то же время Москва была обложена извнѣ. Нѣкоторое время вокругъ нея стояло русское патриотическое ополченіе, которое въ отвѣтъ на призывы Патриарха Гермогена, сколотило изъ разнообразныхъ и, къ несчастью, непримиримыхъ элементовъ, рязанскій патриотъ Прокошій Ляпуновъ, поздне туть же и погибшій отъ руки Заруцкаго, примкнувшаго къ этому ополченію. Послѣ распада этого ополченія казачьи остатки его — подъ главенствомъ князя Дмитрія Трубецкаго и Заруцкаго — оставались подъ стѣнами столицы, мѣшая полякамъ дѣйствовать изъ Москвы

Всюду бродили «литовскіе люди» и «русскіе воры». Набѣгами на окрестное населеніе занимались «салѣжинцы», подъ командованіемъ польскаго пана Салѣги, оставшагося безъ дѣла послѣ распада тушинскаго лагеря. Грабили со своими казаками и бывшіе тушинцы, перекрасившіеся было въ патріотовъ-ополченцевъ — Андрей Просовецкій и Заруцкій. Грабили всѣ, кто только могъ!..

Разрзненно, безъ связи другъ съ другомъ и безъ плана дѣйствовали въ разныхъ мѣстахъ и патрісты-партизаны, подбуриваемые вѣстями о твердости и непреклонности Патріарха Гермогена, и призывами, раздававшимися изъ Троицко-Сергіевой лавры, не разъ превращавшейся въ это время въ подлинную крѣпость и переживавшей настоящія осады.

Такъ проходилъ 1611 годъ, омраченный гибелью Прокопія Ляшунова, взятіемъ Смоленска Сигизмундомъ и оккупацией шведами Новгорода Великаго... —

Въ такихъ условіяхъ, въ такой обстановкѣ и совершали свои подвигъ безстрашные люди Родіонъ Мосѣевъ и Романъ Пахомовъ, связывая великаго вдохновителя всей патріотической борьбы Патріарха Гермогена, какъ «тюремнаго сидѣльца», съ русскими людьми, остававшимися на свободѣ и помышлявшими объ освoboжденіи и возрожденіи родины.

Имъ не разъ удавалось пробраться въ Кремль. Они присылались къ Патріарху изъ Нижняго Новгорода «съ совѣтными челобитными» и Святитель Гермогенъ имѣлъ уже возможность испытать ихъ въ этомъ патріотическомъ служеніи. Именно къ концу 1610-го и началу 1611 года относятся наиболѣе рѣшительные призывы Патріарха встать на защиту вѣры и готовиться къ освобожденію Москвы отъ иновѣрцевъ-поляковъ. Извѣстно, что какъ разъ въ концѣ декабря 1610 года въ руки Гонсеѣвскаго попала грамота Гермогена, написанная въ этомъ духѣ. Нѣсколькими днями спустя — уже въ январѣ — поляками были перехвачены другія такія же грамоты Гермогена; извѣстно даже имя того неудачника, который былъ захваченъ съ этими грамотами, отправленными Патріархомъ въ Нижній Новгородъ или Суздаль: это былъ Василій Чертовъ.

Поляки, распоряжавшіеся въ Москвѣ, прибѣгли къ репрессіямъ для того, чтобы заглушить призывный голосъ Гермогена и пресѣчь дѣйствіе его грамотъ. Отъ него были убраны «діаки,

подъячіе и всякіе дворовые люди», его дворъ былъ разграбленъ и онъ былъ заточенъ въ келью — «аки птица въ заклещѣ». При такихъ условіяхъ общеніе съ нимъ стало подлиннымъ подвигомъ самоотверженія, находчивости и умѣнія.

Изъ другой, дошедшей до насъ грамоты (уже не Гермогена) мы знаемъ, что 12 января 1611 года, т. е. уже послѣ «заклеша», отъ Патріарха въ Нижній прибыли два человѣка и привезли отъ него переданныя на словахъ указанія о томъ, что надо дѣлать.

Сношенія продолжались и далѣе.

Упомянутая выше грамота Гермогена, адресованная имъ нижегородцамъ, но обращенная ко всемъ русскимъ людямъ-патріотамъ, писалась уже послѣ всѣхъ этихъ тягостныхъ событій и послѣ обозначившагося крушенія попытки Прокопія Ляпугова — въ моментъ всеобщей растерянности и разброда въ умахъ, въ дни, можетъ быть, наибольшаго отчаянія и упадка духа.

Въ этой грамотѣ Патріархъ Гермогенъ увѣщаетъ русскихъ людей оставаться твердыми въ своей борьбѣ за вѣру и родину, предостерегая отъ уклоненія съ прямой и трудной дороги въ дебри соблазновъ и шатаній. Какъ разъ въ это время въ Москву пришелъ слухъ о томъ, что казаки, возглавляемые Заруцкимъ, склонны провозгласить царемъ сына Марины Мнишекъ, и тѣмъ воскресить самозванчину. Отъ этого соблазна Гермогенъ и удерживаетъ русскихъ людей. Онъ пишетъ:

«Благословеніе архимаритомъ и игменомъ и протопономъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и діакомъ, и дворяномъ. и дѣтемъ боярскимъ, и всему міру: отъ Патріарха Ермогена Московскаго и всеа Русіи. Миръ вамъ и прощеніе, и разрѣшеніе. Да писати бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ Митрополиту Ефрему. чтсбъ Митрополитъ писалъ въ полки къ боярамъ учителную грамоту, да и казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, и бояромъ бы говорили и атамань безстрашно, чтобъ они отнюдь на царство проклятаго Маринкина паньина сына...» (здѣсь дефектъ документа мѣшаетъ прочитать написанныя слова) «не благославляю. И на Вологду ко властемъ пишете жъ, такъ же бы писали въ полки. Да и къ Рязанскому пишете тожъ, чтобъ въ полки такъ же писали къ бояромъ учителную грамоту, чтобъ уняли

грабежъ, корчму, блядню и имѣли бѣ чистоту душевную и братство, и промшляли бѣ, какъ реклись, души свои положити за Пречистыя Домъ и Чудотворецъ и за вѣру, такъ бы и совершили. Да и во всѣ города пишете, чтобы изъ городовъ писали въ полки къ бояромъ и атаманѣ. что отнюдь Маринкипъ на царство не надобенъ, проклять отъ святого собору и отъ насъ . . .»

Вотъ основная часть этой краткой грамоты Патриарха. Онъ заключаетъ ее словами:

«А вамъ всѣмъ отъ насъ благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣлѣ и будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно, а язъ долженъ за васъ Бога молити». —

Эта грамота содержитъ въ себѣ призывъ стоять крѣпко за національные идеалы и православную вѣру, и заключаетъ въ себѣ, далѣе, опредѣленные директивы поведения.

Въ моментъ страшнаго моральнаго и политическаго распада Патриархъ Гермогенъ возвышаетъ свой голосъ, призывая всѣхъ русскихъ людей бороться за освобожденіе и воссозданіе Православной Руси. какъ за подлинный и великій Домъ Пречистой Богородицы. и указывая на опасность непродуманныхъ и безответственныхъ рѣшеній. Онъ предостерегаетъ русскихъ патріотовъ отъ заключенія соблазнительныхъ соглашеній съ невѣрными и опасными союзниками (вродѣ Заруцкаго), отъ самозванщины, безгосударственной идеологіи и воровскихъ авантуръ; и зоветъ ихъ проводить четкую, прямую и государственную, «земскую» линію въ борьбѣ за Россію.

Значеніе этихъ грамотъ въ исторіи преодоленія русской смуты было исключительное. Слова заключеннаго Патриарха приобрѣтали силу священнаго зова и велѣнія; въ нихъ говорилъ живой духъ Православной Церкви и русской государственности. повелительно указывавшій цѣль и пути борьбы.

Исторически эти грамоты связаны со славными именами Романа Нахомова и Родіона Мосѣева. Святѣйшій вѣрилъ своимъ посланцамъ и высоко цѣнилъ ихъ подвигъ. Они были не только носителями его грамотъ, но и передатчиками его устныхъ повелѣній; болѣе того, они были активными пропагандистами его идеи.

Объ этомъ мы читаемъ въ той же грамотѣ. Патриархъ пишетъ о нихъ:

«А имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятый» (т. е. Маринкинъ сынъ) «стнюдь не надобе... А въ города для грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ...»

Патриархъ велитъ нижегородцамъ привлечь Мосѣва и Пахомова къ наиболѣе трудной работѣ, въ качествѣ активныхъ пропагандистовъ по городамъ. Онъ вѣритъ имъ не только какъ храбрымъ посланцамъ, но считаетъ ихъ убѣжденными, прямыми людьми, которымъ довѣряетъ «свое слово»: онъ поручаетъ имъ дѣйственно претворять въ жизнь его велѣнія и полагается на ихъ идейную убѣжденность и стойкій патриотизмъ.

Исторія сохранила намъ имена этихъ доблестныхъ, прямыхъ и бѣлыхъ людей, выведившихъ Россію изъ смуты; и русскій народъ не забудетъ ихъ, пока онъ будетъ жить на землѣ.

Лоллій Львовъ.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТѢ.

(Посвящается русской національной молодежи).

Первое, что необходимо усвоить, приступая къ политической работѣ, это то, что она требуетъ особой умственной и волевой подготовки. Эта подготовка нужна всегда, при всякихъ условіяхъ; но она приобретаетъ совершенно исключительное значеніе въ эпоху революціи и борьбы съ нею. Къ сожалѣнію, люди не понимаютъ этого: они обучаются ремесламъ, изучаютъ разныя игры, предаются спортивнымъ упражненіямъ, но къ политикѣ и политической борьбѣ приступаютъ безъ всякой подготовки, какъ если бы тутъ все было ясно, просто и доступно. Какое легкомысліе! И какой вредъ въ результатѣ...

Политика есть, можетъ быть, самое отвѣтственное дѣло человѣческое. Ибо въ религіи, въ наукѣ, въ искусствѣ — человѣкъ, если ошибается, то ошибается самъ и развѣ только уговариваетъ другихъ ошибиться вмѣстѣ съ нимъ; тогда какъ въ политикѣ человѣкъ заставляеть другихъ поступать именно такъ, а не иначе, и нерѣдко превращаетъ свою ошибку въ судьбу цѣлаго народа. Вотъ почему чувство отвѣтственности и добросовѣстность — суть первыя условія для занятія политикой. Надо прежде всего разобратъса въ самсмя себѣ, узнать свои силы и слабости, установить границы своихъ знаній и умѣній — и потомъ рѣшить, можно ли мнѣ, позволительно ли мнѣ съ такимъ личнымъ багажомъ приступать къ политической дѣятельности.

Такъ, для политики нужна прежде всего религіозная сила характера и вѣрность своимъ убѣжденіямъ. Чтѣ создастъ въ политикѣ человѣкъ, который ни во что не вѣруеть, ничего до конца не любитъ и жизнью своею не рискнетъ ни при какихъ условіяхъ? Вѣдь это — готовый

перебѣжчикъ... И что натворить въ политикѣ человѣкъ, который ни въ чемъ не убѣжденъ и потому не отличаетъ честности отъ подлости и добра отъ зла? Вѣдь это — готовый предатель...

Для политики необходима воля, умѣющая рѣшать, приказывать и заставлять. Чего же можно ждать отъ человѣка безвольнаго, нерѣшительнаго, боящагося приказать или «принципially отрицающаго всякое принужденіе»? Взавшись за власть, онъ становится всепароднымъ обманщикомъ, ибо всѣ съ полнымъ основаніемъ ждутъ отъ него спасительныхъ распоряженій, которыя онъ обязался давать, но не дать; онъ становится сѣятелемъ беспорядка и смуты, политической язвою своего государства, погубителемъ своей страны...

Для политики нужно знаніе хозяйственныхъ и социальныхъ законовъ и вѣрнее прозрѣніе цѣлей и средствъ, строящихъ мою родину въ данную эпоху. Что же дать наивный невѣжда, ставъ у власти? Рядъ бессмысленныхъ и гибельныхъ распоряженій, вродѣ отмѣны частной собственности или принужденія всѣхъ людей къ физическому труду... Что дать правитель, лишенный политической интуиціи, не видящій національныхъ цѣлей и готовый узаконить самые гибельные пути и самые ядовитыя средства? Хаосъ и гибель...

Для политики необходимо умѣніе выбирать людей, искусство читать въ сердцахъ, умѣніе довѣрять и не довѣрять, искусство давать каждому работу по силамъ и извлекать изъ всѣхъ самое лучшее; это есть организационный даръ. Что же создать политикъ, довѣряющій каждому льстецу, или постоянно окружающій себя карьеристами и предателями, или неспособный отличить волевого человѣка отъ безвольнаго, умнаго отъ глупаго, искренняго отъ провокатора? Онъ подчинитъ себя и свою власть негодямъ, унизитъ и осрамитъ себя и погубитъ свою страну.

Ясно, что политика требуетъ особыхъ духовныхъ силъ и особой умственной и волевой подготовки. Не всякому человеку даны эти духовныя силы и не такъ легко приобрѣтается эта подготовка. Можно быть сноснымъ адвокатомъ, усерднымъ ученымъ, способнымъ агрономомъ и храбрымъ офицеромъ. — и ничего не понимать въ политикѣ; и только сила самосознанія, скромность и чувство ответственности могутъ

спасти такого человѣка отъ фальшивыхъ, вредныхъ и постыдныхъ положеній.

Если такъ обстоитъ въ нормальное время, то что же сказать о революціи? Революція есть эпоха, когда въ массахъ заболѣваетъ здоровый инстинктъ общественности; когда люди повертываются другъ къ другу и къ власти злыми, завистливыми, своевольными и агрессивными сторонами своей души; когда всякіе правовые уклады нарушаются и всѣ начинаютъ посягать. Тогда политическая дѣятельность становится затруднительною, какъ никогда: нужна особая сила характера и убѣжденій, особая крѣпость воли, особая дальновидность, особая прозорливость по отношенію къ людямъ для того, чтобы быть на высотѣ въ такую эпоху. Но именно въ такіе-то періоды люди подпадаютъ обостренному соблазну политическаго авантюризма; и всѣ начинаютъ тѣсниться къ власти и распоряжаться съ какимъ-то ушеснымъ легкомысліемъ и полной безотвѣтственностью. Исчезновеніе законной власти и спорность всякой незаконной власти развязываютъ своеволіе во всѣхъ душахъ, въ каждой по свѣдѣму. Рѣдкій человѣкъ остается незатронутымъ этою заразою; и все различіе въ томъ, что у однихъ эта зараза выражается въ чувствѣ «я не обязанъ никому подчиняться», а у другихъ въ чувствѣ «я призванъ всѣми распоряжаться».

Понятно, что въ такие періоды о реальной подготовкѣ къ политической дѣятельности никто и не думаетъ; всѣ выѣгаютъ какъ на пожаръ, всѣ говорятъ наобумъ и дѣйствуютъ какъ понало. А между тѣмъ именно въ такие періоды, какъ никогда, необходимо объективное наблюденіе, спокойная и замкнутая сосредоточенность. и, главное, внутреннее, духовное подготовленіе себя къ борьбѣ. Это относится особенно къ тѣмъ партіямъ и группамъ, которыя бывають вынуждены вести борьбу въ политическомъ подпольѣ или на такъ называемомъ нелегальномъ положеніи.

Человѣкъ всегда имѣетъ извѣстныя основанія не довѣрять каждому случайному собесѣднику и не раскрывать свою душу первому встрѣчному. Недоступность личной души другимъ людямъ есть великое благо, данное намъ отъ природы; и, если бы это благо было отнято у насъ, то мы всѣ навѣрное возненавидѣли бы другъ друга или сошли бы съ ума. Политическая борьба покоится прежде всего на умѣннй до вѣ р я т ь

кому надо и недовѣрять кому не надо. Зоркое и вѣрное распознаваніе людей есть азбука политики; и человекъ, раза два крѣпко обманувшійся въ людяхъ, напр., повѣрившій предателю или упустившій вѣрнаго и сильнаго союзника — долженъ признать свое политическое неумѣніе и отойти отъ дѣлъ для предварительной подготовки (если она ему вообще доступна).

Человекъ, желающій заниматься политикой, долженъ выработать въ себѣ прежде всего силу воли.

Прежде всего — силу воли; ибо она пужна не только для того, чтобы дѣйствовать, но уже для того, чтобы подготовить себя къ будущей политической дѣятельности.

Политика есть вообще дѣло воли, такъ, какъ искусство есть дѣло чувства и воображенія, а наука — дѣло мысли и наблюденія. Людямъ нерѣшительнымъ, колеблющимся, робкимъ, склоннымъ къ рефлексіи и самоглотанію — лучше воздерживаться отъ политической дѣятельности за отсутствіемъ у нихъ соответствующаго органа. И всюду, гдѣ такіе люди, поддаваясь тщеславію и честолюбію, вмѣшиваются въ политику — они приносятъ обычно много вреда. При этомъ волю отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ порывистой эмоціональностью, съ истерической крикливостью и суетливостью или съ хитрой и изворотливой пролазливостью. Признаки волевого человека надо разъ навсегда продумать и усвоить, съ тѣмъ, чтобы провѣрить ими сначала себя самого, а потомъ увѣренно распознавать другихъ.

О чемъ бы ни шла рѣчь, каково бы ни было жизненное положеніе, волевой человекъ успокаивается только тогда, когда въ его душѣ сложится отвѣтъ на вопросъ: какъ дальше быть? что дальше дѣлать? Ему мало понять то, что есть; ему неинтересно вообразить то, что могло бы быть; ему часто некогда почувствовать, кто и что «переживаетъ» или «переживаетъ»; ему мало сообразить, что «должно» бы было быть въ прошломъ. Онъ смотритъ въ будущее; и не для того, чтобы только предвидѣть его, а для того, чтобы рѣшить, гдѣ и въ чемъ онъ самъ повліяетъ на него. Онъ всегда занятъ тѣмъ, чтобы повліять на будущее, измѣнить его, заставить его быть такимъ, а не другимъ. Онъ не любитъ того, что ему дано; онъ всегда ищетъ того, что задано; и особенно любитъ то,

что онъ самъ сдѣлаеть, что онъ совершитъ. И въ маломъ, и въ большомъ — онъ заряженъ всегда своимъ будущимъ дѣйствіемъ.

Волевой человѣкъ чувствуетъ въ самомъ себѣ нѣкую движущую силу; и поэтому ему естественно разсматривать всѣ жизненные вопросы съ точки зрѣнія силовой. Жить значитъ для него бороться и одолевать. Одолевъ — значитъ собирать силы для поваго одолеванія. Борьба не утомляетъ его. Безъ борьбы онъ томится и тоскуетъ; она ему какъ бы «причитается» въ жизни; и если ея нѣтъ, то онъ замѣняетъ ее какими-нибудь внутренними, душевными или духовными заданіями, усилями и одолеваніями.

Волевой человѣкъ упорядочиваетъ. Но не тѣмъ, что приводитъ въ состояніе покоя; онъ упорядочиваетъ движеніе и въ движеніи. Покой гнететъ его. Ему нуженъ не мыслимый порядокъ (логика), и не созерцаемый порядокъ (геометрія), а творимый порядокъ; и притомъ — творимый имъ самимъ. Ему важно двигать, давать мѣру, творить форму, распорядиться и организовывать. Ему нужна власть; и это естественно: потому что онъ и рожденъ для власти.

Волевой человѣкъ можетъ быть въ затрудненіи и даже въ нерѣшительности. Но это рѣдко длится; а если длится, то это никогда не бываетъ безплодно; и пока это длится, ему тяжело, ибо онъ не умѣетъ ни наслаждаться проблематической нерѣшительностью, ни укрываться за нею. Волевой человѣкъ, если онъ неумѣетъ и морально низокъ — упрощаетъ и огрубляетъ всѣ жизненные проблемы. Но если онъ умѣетъ и нравственно чутокъ, то всякая жизненная проблема и даже самая сложная — выходитъ отъ него въ состояніи творчески-спасительной организованности. Это понятнo, — потому что нравственность и жизненность суть въ глубокомъ измѣреніи одно и то же.

Но если волевому человѣку не свойственно безплодное колебаніе, то зато ему въ высшей степени естественно и легко держаться однажды избранной линіи и выдерживать ее до конца. Это человѣкъ не короткихъ порывовъ, а долгихъ поворотовъ; не просто человѣкъ поступковъ, а человѣкъ плана, активной системы, выдержаннаго строительства. Это не значитъ, что всякое принятое

рѣшеніе каменѣеть въ его душѣ, что онъ становится его послушнымъ механизмомъ или рабомъ. Воля и упрямство не одно и то же; только упрямцу свойственна слѣпая и неразумная настойчивость; тогда какъ къ самой сущности воли относится ея независимость отъ ея собственныхъ рѣшеній. У волевого человѣка — рѣшеніе есть продуктъ воли, а воля остается хозяиномъ рѣшенія; тогда какъ упрямый человѣкъ старается поддерживать свою слабую волю механически-непоколебимыми рѣшеніями и самъ незамѣтно становится ихъ рабомъ. Поэтому волевой человѣкъ властенъ надъ своими рѣшеніями: онъ воленъ всегда сохранить ихъ и пересмотрѣть ихъ. Но въ томъ рѣшеніи своемъ, которое онъ не пересмотрѣлъ и которое онъ поддерживаеъ, онъ присутствуетъ всею энергіею своей воли, насыщая его творческою и нерѣдко стремительною динамикой. И эта вѣрность принятому рѣшенію не тяжела ему. Это настолько характерно для волевого человѣка, что можно сказать и обратно: тотъ не волевой человѣкъ, кому несвойственно или кому трудно держаться однажды избраннаго плана или однажды рѣшенной линіи поведенія.

Будучи самъ силою, волевой человѣкъ и другихъ людей воспринимаетъ, какъ извѣстные динамические центры. Иногда онъ, самъ того не замѣчая, въ душѣ слегка презираетъ безвольныхъ людей («кисляевъ»); и можно съ увѣренностью сказать, что онъ практически не признаетъ за ними настоящей реальности. Для него реаленъ тотъ, кто встрѣчаетъ проявленія его силы отвѣтною силою. Онъ можетъ стать его врагомъ или его союзникомъ; но реальностью онъ останется для него до конца. И если онъ найдетъ въ немъ союзника, то главною заботою его будетъ установленіе взаимной оубординачіи и координаціи силъ, выясненіе совмѣстнаго будущаго дѣйствія, распредѣленіе полномочій и обязанностей, т. е. созданіе динамической организаціи.

Я описалъ человѣка съ большою и сильною волею. Она не у всѣхъ волевыхъ людей выражена такъ ярко. Но по этимъ яркимъ признакамъ всякій сумѣетъ распознать себя и опредѣлить другихъ.

Большая воля — есть даръ. Если она дана низкому и злему человѣку, то она можетъ стать несчастіемъ окружающихъ или даже цѣлой страны. Но если ею одаренъ человѣкъ

съ творческимъ умомъ и благородною душою, то мы имѣемъ дѣло съ волевою геніальностью, которая можетъ дать счастье цѣлому народу. Всѣ великіе политики были такими людьми, отъ императора Августа и Фридриха Великаго до Петра Великаго, Бисмарка и Столыпина. И понятно, что въ эпохи смуты и развала вся страна начинаетъ мечтать о такомъ человѣкѣ.

Необходимо однако установить, что вся энергія такого большого политика можетъ разбиться и не принести надлежащаго плода, если онъ останется одинокимъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ безвольною, деморализованною или даже преступною толпою. Никто не можетъ одолжить свою волю другому; никто не можетъ заставитьъ окружающихъ людей стать волевыми и порядочными дѣятелями. Волевому вождю необходимо волевой кадръ; и если онъ не найдется въ странѣ или будетъ слагаться слишкомъ медленно, то судьба можетъ пойти мимо великой волевой возможности и не допустить ее до плодоношенія. Именно такова была участь Столыпина.

Не всякому дана отъ природы сильная воля. Но трудно допустить, что есть люди отъ природы лишеныя воли совсѣмъ, такъ, что имъ, собственно говоря, ни укрѣплять, ни развивать въ себѣ нечего. Одному дается больше, другому меньше. Одному развить волю легче, другому — труднѣе. Но наличный запасъ воли можетъ быть укрѣпленъ и развитъ у каждаго человѣка. Это дѣло внутренней работы. Безплодно возражать тому, кто скажетъ, что «для развитія воли уже нужна сильная воля, а тогда ее нечего и развивать». Это бесплодная діалектика; и тотъ, кто къ ней склоненъ, навѣрное имѣетъ слабую волю и большую лѣнь. Ему надо посоветовать — воздерживаться отъ участія въ политикѣ и лѣнью примириться со слабостью своей воли.

Внутренняя работа надъ своею волею возможна и необходима. И каждый русскій патріотъ, понимающій, что нашему поколѣнію не уйти отъ политической работы и государственнаго служенія, долженъ приступить къ этой внутренней работѣ.

Тутъ не надо начинать съ большихъ и трудныхъ задачъ. Лучше начинать съ небольшого. И прежде всего вѣрно распознать самого себя въ смыслѣ волевой силы и научиться

распознавать другихъ. При этомъ хорошо бываетъ провѣрять себя совмѣстно и взаимно съ нѣсколькими друзьями и единомышленниками.

Далѣе, надо твердо усвоить обычай — всегда и во всемъ, во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ и бесѣдахъ ставить передъ собою вопросъ о томъ, что же надо дѣлать? Не слѣдуетъ задавать его безпомощно вслухъ, обременяя другихъ своею безпомощностью; но держать его молча передъ своимъ сознаниемъ, самостоятельно, про себя добиваясь отвѣта; и только добившись его для себя и про себя — ставить его вслухъ и обсуждать совмѣстно. Надо приучить себя къ волевому разсматриванію жизненныхъ вопросовъ, но съ тѣмъ, чтобы всегда хотя бы часть своихъ выводовъ непосредственно осуществлять на дѣлѣ.

Затѣмъ надо поставить себѣ нѣсколько реальныхъ жизненныхъ заданий, не безразличныхъ для сердца, отнюдь не случайно и не механически выбранныхъ. Надо взять одно главное задание, требующее сроковъ и долгой работы — и спуститься отъ него къ нѣсколькимъ болѣе мелкимъ задачамъ, подчиненнымъ ему такъ, какъ средства подчинены цѣли; и на нихъ сосредоточиться. Главное задание должно быть любимымъ и страстно желаннымъ. Этотъ зарядъ желанности естественно переносится и на подчиненныя задачи. Надо закрѣпить его за ними такъ, чтобы трудное стало логичнымъ, горькое — незамѣтнымъ, противное — безразличнымъ; и затѣмъ превращать эти задачи — одну за другой — въ нестрашныя препятствія, преодолеваемые по выработанному плану. Чувство удовлетворенія отъ побѣды надо использовать, какъ благоприятный знакъ и побужденіе къ дальнѣйшему. Задачи могутъ становиться все болѣе сложными. На четвертой задачѣ можно попытаться поставить передъ собою двѣ сразу. И постепенно выдержанная борьба приучитъ душу къ долгому и творческому напряженію.

Для начала очень полезно приучить себя, на примѣръ, къ систематическому и выдержанному блюденію тайны, столь важному и полезному въ политической дѣятельности вообще; и въ этомъ случаѣ было бы реально полезно не выдумывать какую-нибудь тайну искусственно, а выбрать такое

жизненное положеніе, которое дѣйствительно обязываетъ къ блюденію тайны, напрымѣръ, изъ соображеній чести или опасности. Но для начала лучше не связывать себя съ большою тайною *).

Это будетъ уже живымъ и творческимъ дѣломъ воспитанія въ себѣ воли и характера, необходимыхъ для политическаго дѣятеля.

Старый Политикъ.

---

*) Отъ редакціи. Одновременно съ этой статьей авторъ ея прислалъ намъ списокъ правилъ о томъ, какъ блюсти тайну, и мы охотно даемъ ему мѣсто во второй части нашей первой книжки.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Намъ необходимо знать правду о нашей родинѣ; одну правду и всю правду. Намъ необходимо установить ее, усвоить и продумать; и тогда сдѣлать выводы и принять рѣшенія.

Для освѣщенія этихъ выводовъ намъ важно также имѣть, во-первыхъ, поучительные и точные матеріалы о другихъ странахъ; во-вторыхъ — рядъ ясныхъ и зрѣлыхъ теоретическихкихъ основположеній по главнымъ вопросамъ идеологии, политики и хозяйства.

Но помимо выводовъ у насъ будутъ складываться еще и рѣшенія. Для осуществленія этихъ рѣшеній намъ нужна духовная и организационная подготовка, имѣющая свои правила и требующая выдержанной работы надъ усвоеніемъ этихъ правилъ.

Вторая часть нашего журнала будетъ обслуживать всѣ эти потребности и запросы. Она будетъ давать только тщательно проверенные матеріалы; только строго продуманныя основположенія; только практически выношенные правила и совѣты. Всѣ эти данныя надо будетъ не читать, а проработывать и усвоить; они нуждаются въ совмѣстномъ обсужденіи и запоминаніи; они предназначены для педагогическаго использованія и для широкой пропаганды; они должны составить какъ бы умственный и волевой арсеналъ русскаго патріота.

Редакція проситъ всѣхъ читателей - единомышленниковъ широко пользоваться всѣми этими данными и обращаться къ ней съ прямыми запросами и пожеланіями, идущими въ томъ же направленіи. Всякій откликъ безъ исключенія будетъ принятъ во вниманіе и, такъ или иначе, учтенъ.

І. РОССІЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

Въ концѣ XIX-го и въ началѣ XX-го вѣка Россія переживала періодъ быстраго экономическаго и культурнаго развитія. Заграничныя представленія о Россіи, какъ странѣ якобы пребывавшей въ застоѣ, убѣдительно опровергаются цифрами. Обратимся къ ихъ нелюбезному свидѣтельству.

Ростъ населенія.

За первыя 20 лѣтъ царствованія Императора Николая II населеніе Россіи увеличивалось ежегодно на цифру, поднимавшуюся постепенно отъ двухъ къ тремъ милліонамъ.

	въ 1894 г.	въ 1914 г.	% увелич.
Населеніе	ок. 122 милл.	ок. 173—174 милл.	ок. 40%

Перепись 1897 г. дала цифру въ 128 милл. По оцѣнкѣ статистическаго комитета, населеніе Россіи на 1 января 1914 г., включая Финляндію, Хиву и Бухару, достигало даже 180 милліоновъ.

Ростъ сельскаго хозяйства.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ Россія переживала полосу неурожаевъ. Послѣ голодныхъ лѣтъ, урожаи 1892 и 1893 г. были хорошими. Однако, и противъ этихъ урожаевъ — послѣдніе годы передъ войной показываютъ разительное уменьшеніе.

Урожай хлѣбовъ	Средн. за.		% увелич.
	1892—93 г.	1911—13 г.	
	милл. пуд.		
Въ Европ. Россіи	2 050	3 657	+ 78%
Во всей Имперіи	—	4 861	—

Количество скота также возросло. Россія имѣла:

	въ 1895 г.	въ 1914 г.	% увелич.
	милл. гол.		
Лошадей	25,6	35,0	+ 37%
Рогатаго скота	31,6	52,0	+ 64%

Цѣлый рядъ мѣръ былъ принятъ за этотъ періодъ для поднятія уровня деревни. Наряду съ такими законодательными актами, какъ отмѣна крутовой поруки, отмѣна выкупныхъ платежей, законъ 9 ноября 1906 г. о свободномъ выходѣ крестьянъ изъ общины, — министерствомъ земледѣлія была развита за послѣдніе годы энергичная дѣятельность по поднятію

уровня сельско-хозяйственной культуры (опытные поля и станции), а кредитная кооперация широко распространилась въ деревнѣ *).

Ростъ промышленности.

Въ области добывающей промышленности, особенно выросла добыча угля, марганца, желѣза и мѣди.

	Средн. за:		% увелич.
	1891—95 г.	1911—14 г.	
Уголь (милл. пуд.)	466	1 983	+ 300%
Марганецъ (милл. пуд.)	12,0	55,7	+ 364%
Мѣдь (выплавка) (тыс. пуд.)	395	1 878	+ 375%
Чугунъ (выплавка) (милл. п.)	73	254	+ ок. 250%

Въ меньшей степени, но все же значительно, выросла добыча другихъ полезныхъ ископаемыхъ:

	1891—95 г.	1911—14	
Нефть (милл. пуд.)	338	560	+ 35%
Золото (пуды)	2 576	3 701	+ 43%
Соль (милл. пуд.)	85	121	+ 42,5%

Изъ видовъ промышленности, связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, сильно развились свекло-сахарная, хлопковая и винкуренная. Оставляемъ въ сторонѣ послѣднюю, ростъ которой былъ рѣзко пресѣченъ запрещеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ въ августѣ 1914 г.

Въ области сахарной промышленности наблюдался не простой ростъ, но и ея интенсификація:

	Средн. за:		
	1891—94 г.	1911—14 г.	
Площадь посѣва свекловицы (въ десятинахъ)	289 000	721 000	+ 150%
Выработка сахара (милл. п.)	30,5	104,5	+ 245%

Еще быстрѣе шель ростъ хлопководства.

	1894 г.	1914 г.	
Площадь посѣва (дес.)	ок. 150 000	675 000	+ 350%
Сборъ волокна (милл. пуд.)	3,2	15,6	+ 388%

*) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала редація имѣеть въ виду дать точную и исчерпывающую справку о движеніи крестьянскаго землевладѣнія въ предреволюционной Россіи. По исчисленіямъ одного изъ лучшихъ знатоковъ аграрнаго вопроса въ Россіи профессора В. А. Косинскаго, основаннымъ на данныхъ сельско-хозяйственной переписи 1916 года, скука земли крестьянами при содѣйствіи правительства продвинулась къ этому году настолько, что изъ земель сельско-хозяйственнаго назначенія въ Европейской Россіи — около 70% принадлежало мелкимъ землевладѣльцамъ (не свыше 50 десятинъ на хозяйство) и только 21% принадлежало болѣе крупнымъ землевладѣльцамъ.

Развитіе хлопководства въ Туркестанѣ (далеко обогнавшемъ Закавказье) стало возможнымъ вслѣдствіе производства обширнѣйшихъ ирригаціонныхъ работъ.

Ростъ капитала страны.

Изъ видовъ національнаго достоянія, на первое мѣсто можно поставить пути сообщенія.

Развитіе желѣзнодорожной и телеграфной сѣти показываетъ быстрый ростъ:

	нач. 1895 г.	1. I. 1915 г.	
Желѣзныя дороги	31 812 в.	64 547 в.	+ 103%

Въ эти цифры не вошли ни финскія желѣзныя дороги, ни Восточно-Китайская. Русскія жел. дор. были значительно дешевле, чѣмъ заграничныя (въ особенности для поѣздовъ на дальнія разстоянія), а также имѣли спальные вагоны и для III-го класса, чего и теперь нѣтъ на большинствѣ заграничныхъ дорогъ.

	1891 г.	1914 г.	
Телеграфная сѣть (длина линий).	133 000	223 000	+ 68%

Ростъ ея приходится на болѣе позднее время; въ 1897 г. длина линий была 143 000.

	1894 г.	1914 г.	
Торговый флотъ	492 000 т.	783 000 т.	+ 59%

Особенное вниманіе обращалось на развитіе сообщеній между Европейскою Россіей и Сибирью и вообще Азіей.

Большое количество вновь возведенныхъ присутственныхъ зданій, вокзаловъ, грандіозные элеваторы для храненія хлѣба, усиленное строительство въ столицахъ и большихъ городахъ быстро увеличивало цѣнность недвижимаго имущества Россіи.

Наконецъ, самый внѣшне-осязательный видъ государственнаго капитала, золотой фондъ, увеличился въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	15. XII. 1894 г.	16. VII. 1914 г.	
Золота въ Гос. Банкѣ (въ милл. рубл.)	648	1 604	+ 146%

Всѣ эти данныя ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что экономическое благосостояніе Россіи — и національный годовоіи доходъ, и накопленный капиталъ страны, — не только возросли абсолютно, но въ своемъ ростѣ опередили увеличеніе численности населенія: въ то время какъ оно увеличилось на 40%, всѣ главныя отрасли дохода и капитала страны возросли въ пропорціи много разъ большей.

Народное образованіе.

Народное образованіе въ Россіи не находилось пѣликомъ въ вѣдѣніи министерства Народнаго Просвѣщенія. Большая часть расходовъ падала на земство и города; приходскія школы находились въ вѣдѣніи Святыишаго Синода; коммерческія училища (и рядъ высшихъ учебныхъ заведеній) вѣдались министерствомъ Финансовъ (позднѣе — Торговли); наконецъ, многія женскія учебныя заведенія относились къ вѣдомству Учрежденій Императрицы Маріи.

Расходы министерства Народнаго Просвѣщенія являются лишь частью расходовъ на образованіе. Ростъ ихъ однако является показательнымъ особенно въ виду того, что и по другимъ вѣдомствамъ просвѣтительные расходы не сокращались, а наоборотъ, росли.

	1894 г.	1914 г.	% увелич.
Бюджетъ Мин. Нар. Просв.	25 200 000 р.	161 600 000 р.	+ 628%

Количество неграмотныхъ, составлявшее все еще большинство населенія, постепенно убывало.

За послѣдніе 20 лѣтъ передъ войной произошли слѣдующія измѣненія въ количествѣ учащихся въ государственныхъ, земскихъ и городскихъ учебныхъ заведеніяхъ:

	на 1. I. 1894 г.	1. I. 1914 г.	% увелич.
Въ университетахъ	13 944	39 027	+ 180%
Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ	224 179	733 387	+ 227%
Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (кромѣ Средней Азіи)	3 275 362	6 416 247	+ 96%

Кромѣ того, имѣлись частныя, въ особенности — инородческія (татарскія, и т. д.) школы, съ числомъ около милліона учащихся въ 1912 г. Въ виду усиленнаго расширенія школьной сѣти именно за послѣдніе годы, къ 1914 г. увеличеніе числа учащихся несомнѣнно превысило 100% противъ 1894 г.

Въ этихъ цифрахъ, кромѣ того, изъ высшихъ учебныхъ заведеній не учтены: всѣ спеціальныя (техническія, военныя, музыкальныя и т. д.), женскія (Высшіе курсы), педагогическіе институты и т. д., и вообще всѣ частныя учебныя заведенія.

Болѣе быстрый ростъ средняго образованія легко объясняется необходимостью раньше подготовить кадры учителей, а затѣмъ уже расширять сѣть низшихъ школъ.

Что касается средне-учебныхъ заведеній, то интересно сопоставить число учащихся въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ:

	1 I. 1894 г. число учащихся	1. I. 1914 г.	% увелич.
Мужскія гимназiи и реальныя училища	89 411	228 551	+ 155%
Женскiя гимназiи	54 102	328 803	+ 420%
Женскiе институты	7 700	9 562	+ 15%
Духовныя учебныя заведенiя.	03 257	100 027	+ 58%

Поразительный ростъ средняго женскаго образованiя сопровождался такимъ же ростомъ высшаго женскаго образованiя за послѣднее десятилѣтiе. По числу женщинъ, получавшихъ высшее образованiе, Россiя стояла въ Европѣ на первомъ мѣстѣ.

Изъ вѣшкольныхъ видовъ образованiя, отмѣтимъ быстрый ростъ народныхъ библиотекъ и могучи расцвѣтъ издательской дѣятельности, сопровождавшiйся огромнымъ удешевленiемъ книги. —

Мiровая война, поставившая Россiю въ исключительно трудныя условiя, вызвала, разумѣется, большiя перемѣны въ русской жизни.

Но до революцiи государственный организмъ все же преодолѣвалъ возникшия затрудненiя.

Война поставила русской промышленности большiя новыя заданiя. Она одновременно должна была удовлетворять нуждамъ обороны и возмѣщать прекратившiйся подвозъ изъ за границы. Россiя была лишена главныхъ путей сообщенiя съ вѣшнимъ мiромъ: сухопутной западной границы, Балтiйскаго и Чернаго морей. Все, что приходило извнѣ, должно было проходить либо черезъ замерзающiе порты Бѣлаго моря, либо черезъ Владивостокъ, отстоявшiй отъ фронта чуть ли не на 10 000 верстъ. Русская металлургическая промышленность не была настолько развита, какъ западная. И тѣмъ не менѣе, послѣ перваго же года неудачъ, огромными усилiями было достигнуто такое увеличенiе ввоза черезъ Владивостокъ и Бѣлое море, что снабженiе Россiи военнымъ матеріаломъ извнѣ стало реальностью. Была построена ширококолейная дорога отъ Архангельска, и сооружена за время войны новая дорога, Мурманская, выводящая прямо къ незамерзающей бухтѣ Ледовитаго океана. Это преодолѣнiе блокады, завершенное къ осени 1916 г., было поразительнымъ достиженiемъ.

Въ то же время Россiя покрылась цѣлою сѣтью новыхъ металлургическихъ и химическихъ заводовъ. Постройка и переоборудованiе шли «американскимъ» темпомъ, и къ началу 1917 г. русская промышленность давала армiи достаточное количество снарядовъ.

О ростѣ металлургической промышленности цифровыхъ данныхъ не помѣнялось, такъ какъ на нее простира-

лась военная гайна. О немъ ярко свидѣтельствуяють тѣ огромныя запасы руды, полуфабрикатовъ, готоваго снабженія, которыя остались къ моменту революціи.

Въ другихъ областяхъ удавалось не только поддерживать производство, но подчасъ даже увеличить его.

Такъ, въ области топлива, добычу угля за первые военные годы удалось поддержать почти на прежнемъ уровнѣ, несмотря на то, что отпаль оккупированный съ первыхъ дней войны Домбровский районъ, поставлявшій свыше 400 милл. пуд. въ годъ:

	Среднее за 1911—14 г.	1915 г.	1916 г.
Добыча угля (милл. пуд.)	1983	1905	1955

Добыча въ Донецкомъ бассейнѣ съ 1543 милл. пуд. въ 1913 г. повысилась въ 1916 г. до 1738 милл. пуд.

Добыча нефти повысилась еще болѣе разительно:

	Среднее за 1911—14 г.	1915 г.	1916 г.
Добыто нефти (милл. пуд.)	560	568	602

Рѣзкое повышеніе дали также сборы хлопка. Въ 1916 г. Россія болѣе чѣмъ на $\frac{2}{3}$ удовлетворялась собственнымъ хлопкомъ, тогда какъ до войны привозный хлопокъ составлялъ болѣе половины.

Въ области сахарной промышленности, несмотря на захватъ непріятелемъ въ 1915 г. значительной части районовъ, производящихъ свекловичу, производство поддерживалось:

	Среднее за 1911—14 г.	1915 г.	1916 г.
Площадь посѣва (дес.)	721 000	702 000	670 000
Выработка сахара (милл. п.)	104	113	92

Сельское хозяйство, разумѣется, страдало отъ массовыхъ призывовъ въ армію. Въ 1916 г., по даннымъ миистерства Земледѣлія, площадь посѣва хлѣбовъ сократилась на 10%. Это явленіе наблюдалось не только въ Россіи: напр., во Франціи сборъ хлѣбовъ во вторую половину войны составлялъ всего около 50% прежняго; Франція питалась подвозомъ изъ Америки. Что касается скотоводства, то перепись 1916 года установила, противъ цифры 1914 г., уменьшеніе количества лошадей съ 35 милл. до 33 милл., при увеличеніи количества рогатаго скота съ 52 до 56 милл.

Таковы были итоги русскаго хозяйства за предшествующіе революціи годы войны: ростъ металлургической и химической промышленности, хлопководства, добычи нефти, угля (въ неоккупированной части страны); слабый уронъ въ сель-

скомъ хозяйствѣ и связанныхъ съ нимъ отрасляхъ промышленности. Наиболѣе тяжело въ области экономики война отразилась на путяхъ сообщенія и связанной съ ними торговлѣ, а также на денежномъ обращеніи.

Послѣ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ огромной и продуктивной работѣ правительства и народа, и о бурномъ, культурномъ и хозяйственномъ ростѣ России, продолжавшемся даже во время такой войны, естественно и неизбежно возникаетъ вопросъ, кому и для чего нужна была революція?..

С. С. Ольденбургъ.

II. РУССКАЯ ТЕРРИТОРІЯ.

(1914 — 1927)

Каждый русскій патриотъ долженъ знать наизусть и, взявши карту, продумать съ исторической и политической точки зрѣнія составъ своей національной территоріи. Онъ долженъ знать, какъ она сложилась въ исторіи; какъ случилось, что къ ней были присоединены такія-то части земной поверхности; нужны ли эти части его родинѣ и зачѣмъ онѣ нужны ей; и сколько бербьбы, всенародныхъ жертвъ и страданій потребовало каждое присоединеніе? .

Владѣть обширной или огромной территоріей не есть высшая задача народа. Народъ живетъ не для земли и не ради земли. Но онъ живетъ на землѣ и живетъ отъ земли. И потому территория необходима ему не менѣе, чѣмъ воздухъ и солнце. Народъ безъ опредѣленной и крѣпкой ему территоріи — есть кочевникъ, живущій въ бесплодныхъ, невѣрныхъ и случайныхъ блужданіяхъ; онъ травитъ и грабитъ, но не оплодотворяетъ и не создаетъ; онъ не образуетъ государства, онъ остается проходящимъ странникомъ и опаснымъ сосѣдомъ. Ни одна великая, мировая культура не была создана кочевымъ народомъ. Настоящая культура начинается съ осѣдлости; ибо только осѣдлый человѣкъ перестаетъ брать отъ природы, ничего ей не давая; только осѣдлый человѣкъ отдаетъ себя природѣ цѣльно и творчески — ввѣряетъ ей свои силы и свою судьбу, связывается съ нею морально и духовно; этимъ онъ приобретаетъ ее и начинаетъ считать ее по праву своею. Территорію мало завоевать; ее надо культивировать. Право на нее приобретается не только воинственно пролитію кровью, но и ея хозяйственнымъ и техническимъ приспособленіемъ для жизни и духа. Тогда она становится не только необходимымъ условіемъ народной жизни, но и творческимъ созданіемъ народа. Добытая кровью и тру-

домъ, волею и духомъ, — территория становится священной и мѣстою достояніемъ націи.

Не жажда всинственнаго напора создала Россіи ея территорию, но, во-первыхъ, ея открытсе, незащищенное положеніе на равнинѣ, во-вторыхъ, необходимость морского пути для земледѣльческаго и торговаго государства. Исторія Россіи есть сначала исторія ея самообороны отъ степныхъ кочевниковъ и отъ равнинныхъ сосѣдей; потомъ — исторія ея борьбы за выходъ къ свободному морю. Россія имѣла только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримыя окраины оружіемъ и государственною властью, и затѣмъ пробиться къ морю. Такъ выросла русская государственная территория. —

Къ 1914 году Россія была самымъ большимъ континентальнымъ государствомъ въ мірѣ. Не считая внутреннихъ морей, она занимала свыше 22 милліоновъ квадратныхъ километровъ, т. е. одну шестую часть всей суши земного шара, ея площадь была въ два съ половиною раза больше площади европейскаго материка; въ два раза больше Китая; въ три раза больше территории Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ: въ 44 раза больше территории Германіи. Она уступала по размѣрамъ только Британской Имперіи, которая покрывала вмѣстѣ съ колоніями свыше 32 милліоновъ квадратныхъ километровъ; но владѣнія Англии были разбросаны по всѣмъ частямъ свѣта, тогда какъ территория Россіи представляеть одну сплошную площадь, нигдѣ не прерываемую владѣніями другихъ государствъ.

Революція, завершившая и проигравшая великую войну 1914 года, внесла въ территориальное положеніе Россіи рядъ существенныхъ измѣненій. Именно, Россія потеряла территорию въ 908 тысячъ квадратныхъ километровъ (несутуно 1 милліонъ), т. е. приблизительно столько, сколько составляютъ площади Франціи и Италіи, взятыя вмѣстѣ. По сравненію со всѣмъ пространствомъ Россіи это составляетъ 4 съ небольшимъ процента или $\frac{1}{24}$ всѣхъ русскихъ владѣній. Но если принять во вниманіе только Европейскую Россію, изъ состава которой выпала утраченная территория и площадь которой приближалась въ 1914 году къ 6 милліонамъ квадратныхъ километровъ (около 5 928 000), то потеря эта составитъ свыше 15 процентовъ.

Территория, отошедшая отъ Россіи, распредѣлилась слѣдующимъ образомъ. Часть ея отошла ко вновь образовавшимся самостоятельнымъ государствамъ, изъ нихъ: Финляндія владѣеть нынѣ 388 400 квадр. килом.; Польша получила 262 700 квадр. килом.; Литва — 79 600 кв. кил.; Латвія — 65 800 кв. кил.; Эстонія — 47 600 кв. кил. Другая часть ея отошла къ ранѣе существовавшимъ государствамъ: Румынія,

безуспѣшно воевавшая въ союзѣ съ Россіей, получила Бессарабію — 45 600 кв. килом.; и Турція, безуспѣшно всевавшая противъ Россіи, получила Карскую область — 18 650 квадр. километровъ.

Эти территориальныя потери, понесенныя Россіей, не только велики количественно, но имѣютъ и иное значеніе. Утрата ихъ отрѣзала Россію отъ ближайшихъ выходовъ къ морю: Россія потеряла почти всю береговую линію по Балтійскому морю (свыше 2 500 км.) съ портовыми городами Виндавою, Либавою, Ригой, Ревелемъ, Выборгомъ, Гельсингфорсомъ, Ганге, Або, сохранивъ всего около 200 км. къ сѣверу и югу отъ Петрограда — единственнаго оставшагося порта на Балтійскомъ морѣ. Россія потеряла общую границу съ Германіей, торговля сношенія съ которой стояли у насъ до войны (по ввозу и вывозу) на первомъ мѣстѣ. Наконецъ, изъ состава Россіи вышли культурно-воздѣланныя земли всѣхъ новообразовавшихся государствъ съ ихъ способнымъ и трудолюбивымъ населеніемъ, среди котораго имѣется немало число русскихъ людей.

Въ будущемъ нѣтъ перспективъ для воссоединенія съ Польшей: она останется самостоятельнымъ государствомъ, стѣпяющимъ насъ отъ Европы и самостоятельно противостоящимъ Германской Имперіи. Что же касается другихъ новообразовавшихся государствъ, то воссоединеніе ихъ съ Россіей, если произойдетъ когда-нибудь, то только по ихъ свободной и доброй волѣ, обусловленной съ одной стороны ихъ собственными, политическими и хозяйственными интересами, съ другой стороны — ихъ культурнымъ довѣріемъ къ исцѣленной и возрожденной Россіи. Во всякомъ случаѣ, національная Россія не будетъ дѣлать насильственныхъ присоединеній и дольше время ей будетъ совѣмъ не до войны.

Послѣ исключенія этихъ утраченныхъ территорій, площадь Россіи исчисляется въ 1927 году въ 21 213 000 квадратныхъ километровъ круглымъ счетомъ. Эта территорія раздѣлена революціонною властью на цѣлый рядъ «федеративныхъ республикъ», формально связанныхъ особо совѣтскою конституціею, а по существу одинаково подчиненныхъ диктатурѣ коммунистической партіи. Большую часть ея занимаетъ такъ назыв. «Россійская социалистическая федеративная совѣтская республика», а именно 19 683 000 кв. км., или 92,8%. Остальные 7,2%, составляющіе все же колоссальную площадь въ 1 530 000 кв. килом., заняты вновь образованными «федеративными республиками»: Туркменской (418 560 кв. км.), Украинской (397 800 кв. км.), Узбекской (322 000), Закавказской (193 000) и Бѣлорусской (109 800 кв. килом.) Въ свою очередь нѣкоторыя изъ этихъ «федеративныхъ республикъ» распадаются на автономныя республики (въ составѣ РСФСР

ихъ насчитывается 10) и автономныя области (въ составѣ РСФСР — 13 областей).

Такимъ образомъ, Россія, выведенная изъ войны революціей, подверглась внѣшнему и внутреннему территоріальному расчлененію.

А. Бунге. И. Ильинъ.

III. НАСЕЛЕНІЕ РОССИИ.

(1897 — 1914 — 1927).

Патріоту необходимо знать племенной составъ своей страны и численность ея населенія. Каждый человѣкъ, входящій въ составъ его страны, есть сынъ одной съ нимъ родины, его соотечественникъ и братъ: онъ связанъ съ нимъ въ счастья и въ несчастья, въ побѣдѣ и въ пораженіи, въ славѣ и въ униженіи. И всѣ граждане единого государства, — знаютъ они объ этомъ или не знаютъ, — несутъ взаимно и совмѣстно бремя жизни, организованной на землѣ.

Территорія необходима государству; но состоитъ государство не изъ территоріи, а изъ людей. Люди могутъ временно стравываться отъ своей территоріи; и все-таки оставаться въ составѣ своего государственнаго союза. Эта принадлежность человѣка къ его государству опредѣляется не просто закономъ и распоряженіемъ существующей власти, но прежде всего и больше всего внутреннимъ самочувствіемъ человѣка, его патріотическою преданностью, его правосознаніемъ. Интернаціоналистъ и предатель не входятъ въ составъ того государства, въ которомъ они живутъ и которымъ они, можетъ быть, даже управляютъ; а изгнанникъ или эмигрантъ, любящій свою родину, непрежнему остается ея сыномъ и входитъ въ составъ своего народа. Пусть статистикъ, подсчитывая «населеніе» въ данный моментъ, присчитываетъ его, по мѣсту его теперешняго жительства, къ другой странѣ; на самомъ дѣлѣ онъ остается въ національнѣмъ запасѣ живыхъ силъ своей страны.

Этимъ и опредѣляется весь смыслъ вопроса о населеніи: населеніе есть живой составъ и живой запасъ національныхъ и государственныхъ силъ страны. Численный ростъ населенія обозначаетъ здоровье, силу и ростъ нации; причемъ здоровье и сила націи тѣмъ больше, чѣмъ выше стоитъ рождаемость и чѣмъ ниже смертность. Вымирающая нація лишена будущаго; такъ вымерли многіе народы въ древности, вымерли южно-американскіе ацтеки, вымираютъ сѣверо-американскіе индѣйцы и нѣкоторыя племена въ Россіи (долганы, чуванцы, алеуты и др.). Нація съ невозрастающимъ населеніемъ переживаетъ критическую эпоху

своей жизни (Франция) и размножение соседних народов реально угрожает ей будущему. Напротив, народъ съ возрастающимъ населениемъ можетъ увѣренно смотрѣть въ будущее, несмотря на то, что ему повидимому грозитъ въ дальнѣйшемъ перенаселение, ибо это затруднение разрѣшается въ зависимости отъ двухъ свойствъ народа воли къ труду и способности къ организаціи.

До войны 1914 года средний уровень рождаемости въ Россіи составлялъ 47,0 человекъ въ годъ на каждую тысячу населения (въ Германіи 36,5 чел. на тысячу, — послѣ войны 20,6' — во Франціи — 23,0 — послѣ войны 19,6' — въ Англии — 31,3, въ Швейцаріи — 27,7, въ Италиі — 37,6, въ Венгріи — 42,8). Средний уровень смертности въ Россіи составлялъ 30,0 человекъ въ годъ на каждую тысячу населения (въ Германіи—24,6, во Франціи—22,4, въ Англии—19,2, въ Швейцаріи—21,4, въ Италиі—26,9, въ Венгріи—32,4). Это составляло чистый приростъ въ годъ 17 человекъ на тысячу или въ среднемъ на всю страну полтора процента ежегодно.

Насколько уровень рождаемости въ Россіи утѣшительнъ по своей высотѣ (и самъ по себѣ, и по сравненію съ другими странами), настолько уровень смертности у насъ неутѣшительнъ: онъ показываетъ, какія усилія намъ необходимо еще сдѣлать для того, чтобы поднять гигиеническій, медицинскій, хозяйственныи, техническій и организаціонныи уровень нашей страны. И въ этомъ отношеніи передъ русскимъ народомъ открыто великое будущее, ибо размѣры нашей территоріи таковы, что она способна при здоровой государственной и хозяйственной политикѣ вмѣстить и прокормить гораздо большее население, чѣмъ то, какое она вмѣщаетъ нынѣ. Передъ войной 1914 года средняя плотность населения въ Европейской Россіи (составлявшей $\frac{1}{4}$ всей русской территоріи), безъ Польши, — была 25 человекъ на 1 кв. километръ, а въ Азиатской Россіи (составлявшей остальные $\frac{3}{4}$ нашей площади) она равнялась 0,7 человекъ на 1 кв. км. въ Сибири, и 3,0 чел. въ Средней Азіи, тогда какъ въ Европѣ плотность населения на 1 кв. километръ составляла въ Германіи—120 чел. (теперь, послѣ отпаденія слабо населенныхъ восточныхъ областей—134 чел.), въ Англии (Соединенное Королевство)—145 чел., во Франціи,—74 чел., въ Испаніи—39 чел. и въ Норвегіи—7 чел. —

Первая планомѣрная общерусская перепись была осуществлена въ 1897 году. Согласно этой переписи въ Россіи находилось въ то время круглымъ счетомъ 128 милліоновъ жителей (точная цифра 128 195 483). На основаніи цифръ рождаемости и смертности можно было установить, что къ первому января 1914 года население Россіи возросло круглымъ счетомъ

до 173 миллионъвъ, а по нѣкоторымъ исчисленіямъ даже до 180 миллионъвъ

Это значитъ, что Россія занимала по численности своего населенія третье мѣсто въ мѣрѣ, уступая Англійской имперіи, которая вмѣстѣ съ колоніями насчитываетъ 420 миллионъвъ жителей, и Китаю, число жителей котораго точно не опредѣлено, но, во всякомъ случаѣ, превышаетъ триста миллионъвъ.

Срединное положеніе Россіи между Западной Европой и Азіей, какъ разъ на пути великаго переселенія народовъ, опредѣлившаго, около пятнадцати вѣковъ тому назадъ, судьбу Европы и береговъ Средиземнаго моря, повело къ тому, что на ея поверхности осѣдали остатки почти всѣхъ народовъ, проходившихъ по ней съ востока на западъ. Отсюда большая племенная пестрота, донинѣ сохранившаяся въ Россіи. Перепись 1897 года насчитываетъ 140 племенъ различнаго происхожденія, относящихся къ различнымъ расамъ и входящихъ въ составъ русскаго населенія.

Племенной составъ русскаго населенія былъ исчисленъ въ 1897 году въ общемъ такъ (даемъ круглыя цифры)

Если оставить въ сторонѣ небольшую сравнительно группу палэазіатовъ или гипербореицевъ (чукчи, гиліаки, коряки, камчадалы, айносы и др.), составлявшихъ вмѣстѣ не болѣе 35 тысячъ душъ и болѣе крупную группу китайцевъ, корейцевъ и японцевъ, не превышавшую однако общаго 90 тысячъ, то все населеніе Россіи дѣлится на четыре большія расовыя группы 1) индо-европейскую или арійскую, 2) урало-алтайскую, 3) семитическую, и 4) картвельско-ивверскую группу.

1) Подавляющее большинство русскаго населенія, около ста миллионъвъ, почти 80%, принадлежало къ индо-европейцамъ. Это означаетъ, что арійская раса численно опредѣляетъ судьбы и пути Россіи.

Главное ядро этой расы составляли славяне. Ихъ было немного болѣе 92 миллионъвъ или около 72% всего населенія. Это означаетъ, что славянскія племена численно преобладали въ Россіи.

Если вычестъ изъ этой массы 7,9 миллионъвъ поляковъ (около 6,4% всего населенія) и небольшое число другихъ славянъ (болгаръ и чехо-словаковъ), то мы получимъ основную, исторически ведущій и строящій Россію кадръ русскаго племени — около 84 миллионъвъ или 65,6% всего населенія.

Русское племя распадалось на три вѣтви, въ него входили — великороссы — 55,7 миллионъвъ, т. е. около 43,5% всего населенія и около 66% всѣхъ русскихъ, малороссы — 22,4 миллионъвъ, т. е. около 17,5% всего населенія и около 27% всѣхъ русскихъ, и бѣлороссы — 5,9 миллионъвъ, т. е. около 4,6% всего населенія и около 7% всѣхъ русскихъ.

Къ индо-европейской расѣ, помимо славянъ, принадлежали въ Россіи еще слѣдующія племена (переименовываемъ ихъ по численности):

Нѣмцы—1,8 милліона; латыши—1,4 милліона; литовцы—1,2 милліона; армяне—1,2 милліона, молдаване и румыны—1,1 милліона; иранцы (таджики, осетины, курды, таты, талышцы и персы)—0,784 милліона (т. е. семьсотъ восемьдесятъ четыре тысячи); жмудины—0,448 милліона; греки—0 187 милліона; цыгане—0,045 милліона (т. е. около сорока пяти тысячъ).

На всѣ остальные расы вмѣстѣ взятыя приходилось около 28 милліоновъ или 20% всего населенія

2) Вторую по численности расою являлись урало-алтаицы. Они составляли около 20 милліоновъ, или около 15,6% всего населенія

Сюда входили двѣ группы — финская и тюрко-татарская.

Къ финскимъ племенамъ относились (въ круглыхъ числахъ):

Финляндскіе финны—около 2 3 милліоновъ, прибалтійскіе финны (савакоты, эвремейсетъ, воть) —1,4 милліона; мордва—1 милліонъ; эсты—1 милліонъ, вотяки—0,4 милліона; черемисы—0 375 милліона (т. е. триста семьдесятъ пять тысячъ); карелы—0,208 милліона; зыряне—0,153 милліона; пермяки—0,104 милл.; а также численностью менѣе пятидесяти тысячъ каждое племя — чудь, остяки, ижора, вогулы и лопари (около двухъ тысячъ).

Къ тюрко-татарскимъ племенамъ принадлежали:

Киргизъ-кайсаки—4 милліона, татары—3,7 милл.; адейр-беджанцы—1,5 милл.; башкиры—1,3 милл.; сарты—0,968 милл.; чувашы—0,843 милл.; узбеки—0,726 милл.; буряты—0,289 милл.; туркмены—0,281 милл.; якуты—0,227 милл.; турки-османлы—0,209 милл.; кара-киргизы—0,201 милл.; калмыки—0, 191 милл.; теңтяри—0,118 милл.; кара-калпаки—0,104 милл.; а также численностью менѣе ста тысячъ каждое племя: кумыки, тунгузы, ногайцы, таранчи, мещеряки, горскіе татары, карапахаи, карачаи, самоѣды, кашгарцы, кипчаки и долганы (одна тысяча).

3) Третью по численности расу образовывали семиты. Они составляли немного болѣе 5 милліоновъ или около 3,9% всего населенія.

Если не считать двухъ ничтожныхъ по численности группъ закавказскихъ сиро-халдеевъ (айсоровъ) и дагестанскихъ арабовъ — то все остальное количество 5 064 000 душъ приходилось на евреевъ.

4) Наконецъ, четвертую по численности расовую группу представляли изъ себя картвело-иверійцы. Ихъ на

считывалось около 2,4 миллионъ или около 1,9% всего населения

Сюда относится цѣлый рядъ кавказскихъ народовъ, изъ которыхъ самые многочисленныя: грузины—0,824 милл. (т. е. около восьмисотъ двадцати четырехъ тысячъ); имеретины—0,273 милл., менгрельцы—0,239 милл.; чеченцы—0,226 милл., и нѣкоторые лезгинскія племена: аваро-андинцы—0,212 милл., кюринцы—0,159 милл.; даргинцы—0,130 милл.; а также численностью менѣе ста тысячъ каждое племя—кабардинцы, абхазцы, сванеты, таки, табасаранцы, крызцы, удины и др.

Справедливая исторія когда-нибудь отмѣтитъ ту религиозную, культурную и бытовую свободу, которою пользовались все эти народы и племена подъ властью дореволюционной Россійской Имперіи, причемъ эта свобода тѣмъ легче принимала и формы общественнаго самоуправленія, чѣмъ лояльнѣе относился данный народъ къ интересамъ России въ цѣломъ и къ ея законамъ. Помимо общей обязательности государственнаго языка (принципъ, проведенный во всѣхъ культурныхъ странахъ), русскій народъ не только не подавлялъ иноязычныхъ языковъ въ своихъ предѣлахъ, но впервые создавалъ для малыхъ народностей ихъ письмена и не стѣснялъ ихъ культуры и быта. Даровитые люди самыхъ различныхъ племенъ имѣли доступъ — и въ высшія учебныя заведенія, и къ высшимъ государственнымъ и команднымъ должностямъ.

Война и революція сильно повлѣяли на составъ русскаго населения и въ племенномъ и въ численномъ отношеніи. Откладывая приведеніе исчерпывающихъ данныхъ на будущее время, укажемъ теперь же, что отъ России отпалъ цѣлый рядъ областей съ населеніемъ, равнымъ приблизительно двадцати девяти миллионамъ душъ, т. е. превышающимъ все население теперешней Польши, которая по числу жителей нынѣ занимаетъ въ Европѣ пятое мѣсто.

Изъ состава русскаго населения почти совершенно исчезли финляндскіе финны, латыши, литовцы и эсты, мало осталось поляковъ. Значительно уменьшилось число евреевъ, насчитывающихъ въ нынѣшней Россіи около 2,7 миллионъ; евреи отошли главнымъ образомъ къ Польшѣ. Значительная часть молдаванъ отошла къ Румыніи. Число нѣмцевъ также уменьшилось до 1,1 миллионъ.

Потери во время большой европейской войны, потери гражданской войны и число жертвъ коммунистическаго террора мы впоследствии исчислимъ отдѣльно. Къ этому надо прибавить убыль населенія отъ революціоннаго голода въ городахъ, отъ неурожайнаго голода въ 1920—21 г. и отъ эпидемій. Съ чисто статистической точки зрѣнія сюда надо причислить также эмиграцію.

При такомъ положеніи дѣлъ послѣдняя перепись, произведенная совѣтскою властью дала общее число населенія для

ныцѣлншей Россіи въ 146 200 000 душъ. Нетрудно исчислить, какое количество населенія потеряла Россія съ 1914 по 1927 годъ (убитыми, умученными, преждевременно умершими, отпавшими и перодившимися),—если принять во вниманіе, что къ 1914 году Россія насчитывала не менѣе 173 милліоновъ и что при нормальныхъ условіяхъ населеніе ея возрастало не менѣе, чѣмъ на два милліона въ годъ.

А. Бунге. И. Ильинъ.

IV. КАКЪ ХРАНИТЬ ТАЙНУ.

(Правила и совѣты).

1. Если у тебя есть тайна и тебѣ надо сохранить ее, то пойми прежде всего, что сохранить ее можешь только ты самъ; другому придется ее хранить уже тогда, когда ты ему ее выдашь. Не надѣйся на другихъ. Если ты самъ не удержишь свою тайну, какъ можешь ты требовать молчанія отъ другого?

2. Тайна имѣетъ свои законы; кто ихъ нарушаетъ, тотъ ее разрушаетъ. Сущность тайны не въ томъ, что о ней знаютъ, но не говорятъ («секретъ полишинеля»). Сущность ея въ томъ, что люди не знаютъ ни того, въ чемъ она состоитъ, ни того, что вообще что-то скрывается.

3. Поэтому, если у тебя есть тайна, то не имѣй таинственнаго или важнаго вида; не шепчись по угламъ; не роняй многозначительныхъ намековъ; не рассказывай о своихъ знакомствахъ; не сообщай сенсационныхъ новостей. Будь простъ, естествененъ, скроменъ. Умѣй молчать, но безъ загадочности, когда необходимо, умѣй быть разговорчивымъ о постороннихъ предметахъ. Будь какъ всѣ; будь малозамѣтень. И прежде всего искорени изъ своего сердца тщеславіе: это главный источникъ болтливости. Пручи себя не дорожить сужденіемъ окружающихъ людей о тебѣ. Судить тебя Господь и ты самъ передъ Его лицомъ; а впечатлѣнія другихъ несущественны: научись ради дѣла спокойно проигрывать въ ихъ мнѣнія.

4. Явная таинственность всегда пробалтываетъ тайну; будь увѣренъ: если люди узнали, что у тебя есть тайна, то они скоро узнаютъ и въ чемъ она, ибо всюду есть много досужихъ и профессиональныхъ слѣдопытовъ. Поэтому, если самая наличность тайны стала притчей во языцѣхъ, то погаси ее совѣмъ; и потомъ, если надо, завяжи ее снова.

5. Чтобы научиться беречь тайну, сдѣлай такъ. Утай про себя твое первое серьезное огорченіе или первую твою серьезную удачу. Сдѣлай такъ, чтобы никто на свѣтѣ не узналъ о нихъ отъ тебя.

Или еще: если узнаешь какую-нибудь волнующую новость, заставь себя не рассказывать о ней никому. Если другой будет рассказывать ее при тебѣ, — слушай и молчи, если невѣрно расскажетъ, — не шоправляй; если сочтутъ тебя за неосвѣдомленнаго человѣка, — пусть считаютъ.

Упражняйся въ этомъ, но не говори никому, что ты «упражняешься». Приучись быть наединѣ со своей тайной, чтобы она тебя не «распирала». Этимъ ты выработаешь себѣ непроницаемость по отношенію къ людямъ. Закрѣпи ее внутренно безусловною прозрачностью души передъ Богомъ и совѣстью.

6. Тайна есть бремя. Это бремя надо нести самому и одному. Приучи себя къ этому и ты укрѣпишь свой характеръ: ибо сущность характера въ духовной самостоятельности человѣка.

7. Чѣмъ меньшее число людей знаетъ о тайнѣ, тѣмъ она неуязвимѣе; и обратно.

8. Интимные секреты, которые никому не нужны, хранить легче. Гораздо труднѣе хранить тѣ тайны, которые должны быть извѣстны лишь очень немногимъ, но до которыхъ хотѣли бы добраться многие и притомъ враждебные люди. Начинай свои упражненія съ первыхъ и лишь постепенно переходи ко вторымъ.

9. Сообщать другому тайну слѣдуетъ не тогда, когда это «можно» сдѣлать (онъ не «предатель», онъ не «сизлетникъ», онъ «симпатичный»), а тогда, когда это безусловно необходимо для дѣла. Лучше недоговорить, чѣмъ переговорить. Въ сомнѣніи всегда воздержись. Не дѣлай себѣ въ этомъ никакихъ попуцении, ни по родству, ни по дружбѣ, ни по любви, помни Самсона и Далилу.

10. Не будь наивенъ: не связывай другого «честнымъ словомъ», или «клятвою», или «зарокомъ». Многихъ людей тайна начинается «распирать» именно послѣ того, какъ они дадутъ «честное слово». Не слѣдуетъ обременять другого тайною: она можетъ вырваться у него помимо воли — въ бреду, въ опасности, въ любовномъ угарѣ, въ пьяномъ видѣ. Страхуи свою тайну своимъ молчаніемъ и чужимъ невѣдѣніемъ: ибо только дѣйствительное невѣдѣніе даетъ абсолютную гарантию. Безъ крайней необходимости не обременяй своею тайною и завѣдомаго молчальника: ибо и онъ можетъ учесть свою освѣдомленность въ своихъ дальнѣйшихъ поступкахъ такъ, что наблюдательные люди сумѣютъ вычитать твою тайну изъ его поступковъ.

11. Скупому на слова легче блюсти тайну, чѣмъ говорливому.

12. Человѣкъ неуравновѣшенный, темпераментный, живущій чувствами, вспыльчивый — менѣе подходящий для блюде-

нія тайны, чѣмъ уравновѣшенный, спокойный, холодный и сдержанный.

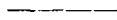
13. Развивай въ себѣ вниманіе; способность сосредоточиваться; искусство подвергать свою рѣчь внутренней цензурѣ; умѣніе выбирать слова. Это необходимо для блюденія тайны.

14. Приучи себя не торопиться съ отвѣтомъ на вопросъ: всегда давай себѣ срокъ для выбора отвѣта. Прежде чѣмъ отвѣчать, обрѣжь внутренно всѣ нити ведущія къ тайнѣ.

15. Никогда не записывай ни своей тайны, ни всего того, что съ нею связано; и нигдѣ не храни. Помни все необходимое паизустъ. А если не можешь, то сначала укрѣпи свою память мнемоническими упражненіями.

16. Если первое время будутъ неудачи — не унывай. Блюденіе тайны есть дѣло трудное; оно доступно только исключительнымъ людямъ. Научись провѣрять себя послѣ каждаго разговора и отмѣчать свои ошибки; и тогда ты самъ скоро удовлетворишь эти правила. И помни: умѣющій хранить тайну всегда сильнѣе неумѣющаго.

Старый политикъ.

V. ДЕВИЗЫ БѢЛАГО ДВИЖЕНІЯ.

Русское бѣлое движеніе имѣетъ свой глубокой и непреходящій смыслъ — религиозный, патріотическій и государственный. Гражданская война противъ интернаціоналистовъ и коммунистовъ была лишь первымъ проявленіемъ его, его героическимъ, военнымъ началомъ; и впереди его ждетъ трудное, но славное будущее. Это есть движеніе національнаго рыцарства — движеніе, не связанное ни съ какимъ сословіемъ и не имѣющее никакой классовой программы; каждый русскій патріотъ можетъ найти въ немъ свое почетное мѣсто. Оно покоится на отборѣ честныхъ и волевыхъ русскихъ гражданъ. Его цѣль — религиозное, государственное и культурное величіе Россіи. Его ближайшая задача — освобожденіе и возрожденіе родины. Его духовныя основы выражаются и закрѣпляются въ такихъ девизахъ.

Господь зоветъ! Сатаны убоюсь ли?
Моя молитва, какъ мечъ. Мой мечъ, какъ молитва.
Служу Россіи. Отвѣчаю Богу.
Всѣ за родину. Все за родину.
Единая. Великая. Примиренная. Возрожденная.
Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного.

Сыны и братья.

Блаженство въ вѣрности.

Умѣй желать. Умѣй дерзать. Умѣй терпѣть.

Въ борьбѣ закаляюсь, въ лишенияхъ крѣпну.

Грозная любовь, честная борьба.

Моя святыня, мое слово, мое дѣло.

Владѣю собою.

Съ поднятымъ забраломъ.

Быть, а не казаться.

Честь, а не почести.

Молиться, любить, творить и умереть въ свободѣ.

Силенъ свободнымъ повиновеніемъ.

Въ правотѣ моя побѣда.

Свободный въ жизни, силенъ въ смерти.

Подъемлю доброю волею.

Любовію ведомъ, жертвою очищаюсь.

Жертвую, но не посягаю; соревную, но не завидую.

Побѣждаю, но не мщу.

Собственность и творчество; изобиліе и щедрость.

Достоинство въ служеніи.

Власть мое бремя, долгъ мое утѣшеніе.

Дорогу честности и таланту.

Нами править лучшій.

Учись имѣть Царя.

Творю и соблюдаю.

Любовью и кровью спаянные.

И. А. Ильинъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
1. «Русскій Колоколь». Редакторъ	3
2. О священномъ. И. А. Ильинъ	11
3. Какъ намъ быть. И. С. Шмелевъ	18
4. Наша государственная задача. И. А. Ильинъ	32
5. Мы требуемъ пониманія. Прибывшій оттуда	41
6. Безстрашные люди. Лоллій Львовъ	48
7. О политической работѣ. Старый политикъ	54
— — — — —	
Отъ редакціи	63
I. Россія передъ революціей. С. С. Ольденбургъ	64
II. Русская территорія 1914—1927. А. Бунге. И. Ильинъ	70
III. Населеніе Россіи 1897—1914—1927. А. Бунге. И. Ильинъ.	73
IV. Какъ хранить тайну. Старый политикъ	78
V. Девизы блага движенія. И. А. Ильинъ	80

— — — — —

Съ 27 Августа 1927 г.
начала выходить
ЕЖЕНЕДЪЛЬНАЯ ГАЗЕТА
„РОССІЯ“

Органъ національной мысли и борьбы,
подъ редакціей
ПЕТРА СТРУВЕ.

Изъ содержанія номеровъ 1 и 2:

Петръ Струве: Дневникъ политика. — С. С. Ольденбургъ: Политическій обзоръ. — По церковному вопросу статьи кн. Гр. Н. Трубецкого, А. В. Карташева, Мірянина, Петра Струве и бесѣда съ Н. Н. Глубоковскимъ. — В. В. Шульгинъ: Смысль событій. — Н. Цуриковъ: Генераль Тухачевскій. — К. Зайцевъ: Излишнія надежды и неоправданное уныніе. — Л. Львовъ: Художественныя замѣтки. — Б. Никольскій: О русскихъ меньшинствахъ. — А. Ломейеръ: Финансовая недѣля. — Э. Уоллесъ: Дверь о семи замкахъ (романъ). — Документы объ устраненіи П. Б. Струве изъ „Возрожденія“ и проч.

Цѣна отд. номера во Франціи
50 сант., въ Германіи 20 ф.

Подписная плата до конца года
во Франціи 8 фр., въ Германіи 3 м.

Адресъ Редакціи и конторы:
12, Rue Royer-Collard, Paris (5).

Изданіе Якц. Общ. Печ. Дѣла „Саламандра“, Рига, Кузнечная ул., 43. Латвія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА

СЛОВО

Съ 1925 г. выходитъ подъ редакціей Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша.

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

С. И. Варшавскій, Г. Д. Гребеньщиковъ, бар. В. Д. Дризень, Б. Зайцевъ, проф. И. А. Ильинъ, А. Купринъ, кн. А. П. Ливень, Вл. Лодыженскій, проф. А. Мельниковъ, бар. И. С. Нолькенъ, М. Перухинъ, А. Ремизовъ, В. Сиринь, А. Салтыковъ, Ариадна Тыркова, В. Унковскій, Ив. Шмелевъ и многие другіе; также русскіе ученые, общественные дѣятели, депутаты русской фракціи Латвійскаго Союма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ во всѣхъ центрахъ Европы, на Балканахъ, въ Америкѣ и Азіи.

Информация „СЛОВО“ изъ Совѣтской Россіи — раньше другихъ газетъ. „СЛОВО“ имѣетъ наиболѣе широкій отдѣлъ жизни въ провинціи.

Выходя въ часъ дня, „СЛОВО“ даетъ полную утреннюю и послѣобѣденную информацию за 24 часа.

„СЛОВО“ имѣетъ обширную сеть провинціальныхъ корреспондентовъ. Собственные корреспонденты и фотографы „СЛОВО“ въ Литвѣ, Эстоніи, Финляндіи и Польшѣ.

Подписная цѣна въ Литвѣ въ мѣс.—10 литъ, въ Эстоніи—280 мар. эст., за границей—86,5 амер. центовъ.

„БѢЛОЕ ДѢЛО“

ЛѢТОПИСЬ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

Подъ редакціей А. А. фонъ-ЛАМПЕ

Berlin W 15, Lietzenburger Str. 43^{IV}

выходитъ въ Русскомъ Национальномъ Издательствѣ „Мѣдный Всадникъ“ въ Берлинѣ, въ видѣ періодическихъ, законченныхъ отдѣльныхъ сборниковъ, при чемъ сборъ и разработку матеріала приняли на себя: генераль баронъ П. Н. Врангель, герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій и свѣтл. князь А. П. Ливень.

Вышли КНИГИ I, II и III / Намѣчена къ выходу въ декабрь 1927 г. — книга ЧЕТВЕРТАЯ

Размѣръ страницъ 19×25 см. Въ количествѣ 14—15 листовъ. Шрифтъ убористый. На плотной бумагѣ. Текстъ снабженъ :: :: схемами. Цѣна каждой книги 1 долл. 75 цент. :: ::

Главный складъ „GRAD KITESCH“
Berlin W 62, Kleiststrasse 21.

Подписка только через редакцію:
BERLIN W 50, AUGSBURGER STR. 56^{IV}.
A. BUNGE.

Цѣна: на три мѣсяца 80 ам. цент.,
шесть мѣс. 1,60 ам. дол. съ пересылкой.

Розничная продажа въ книжныхъ магазинахъ Берлина:
„Градъ Китежъ“ Kleiststr. 21, „Buchhandlung
des Westens“ Passauer StraÙe 3, и др., а также на
GeisbergstraÙe 20 уголъ Fürther StraÙe.

Въ Парижѣ:
въ книжномъ магазинѣ Au vieux Livre
17 rue de l'odéon. Paris 6.

Въ Бѣлградѣ:
въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“
и въ кіоскѣ Н. Д. Мотасова.

Адресъ Редакціи:
Berlin W 50, Augsburger StraÙe 56^{IV}.
Verlag „RUSSISCHE GLOCKE“.

Цѣна книжки въ розничной продажѣ
36 ам. центовъ.